

Светлана Матлина

ДО СНЕГА

УЛЬЯНОВСК
2017 г.

УДК 8Р2
ББК 84(“Рос-Рус”)6
М33

М33 Матлина С.И. До снега. Стихи и поэмы.

Ульяновск, 2017. 282 с.

В своей новой книге Светлана Матлина продолжает традиции классической русской поэзии и остается верна главным темам своего творчества: темам родины, любви, современности. Лирический голос поэта звучит с новой силой и вдохновением.

* * *

Мимо строек и старых башен,
Мимо грусти своей вчерашней
Прохожу в звездный час.

Вдоль полей в позолоте затертой,
Мимо тихого города мертвых –
Не сейчас!

Вскинут взор
К небу вечной молодости,
А земля -
Просто пашня, ветром исполотая,
Просто палуба корабля.

Я лишь звук
И блаженство времени.
Не беда,
Что душа в просторах затеряна...

Жить, чтоб петь –
Навсегда!

* * *

Проснуться от птичьего крика,
Увидеть: летят журавли
И задохнуться от мига
Пронзительной ласки земли.

Прощанье, прощанье, прощанье
В ней ветер осенний трубит
Меж прутьями тонких раки –

Прощанье – и встреч обещанье
Под сереньким небом любви.

О, родина многострадальная,
Тебя никогда не забыть!
Как звоны в равнинном, дальнем
Тебя из души не избыть!

Незрелую гроздью калины
Рассвет твой тяжелый горит
И белым рыдающим клином
На ленточке слабой зари.

О родина! Свет изначальный
В нашей общей судьбе.
И свет, и радость печальная,
Счастья тебе!

* * *

Горизонт изломали холмы.
Черными зубьями лес
Вгрызся в звездное небо.
Из тумана, как из глубокого озера,
Выступили со склонов леса
И темнеют среди тишины.
Лучи высвечивают осень:
То там, то тут ее золотые пятна
На липах, что шумят
В серебряный рассвет.

* * *

Ранним утром сизокрылым
По изведанной тропинке
Захожу я в пышный лес.

Мне сентябрь дает палитру,
Для меня находит краски,
Учит радостным цветам.

Я пишу под песни леса,
Пенье птиц над головою,
Всем довольна я вполне.

А когда сойдет охотка,
С сентябрем споем душевно
Мы про осень на Руси.

И с устатку выпив квасу,
Лягу в вянущие травы
И закрою я глаза.

Но в глазах теснятся краски,
Фрески золотом пылают,
Не тревожьте вы меня.

Я расписываю храмы,
Храмы леса, красных сосен
Подмастерьем сентября.

* * *

Прозрачна даль под легкой синькой.
Набросаны, как под хмельком,

И ветки молодой осинки,
И кроны яблонь угольком.

«Мы были, голубые весны,
Мы есть, - все шепчет, - не забудь!»
И легкий, и хмелящий воздух
Вливается свободно в грудь.

Любовно все запоминаю,
Ведь там, за далью голубой,
Не тронет красота иная
И не возьмет такой тоской!

Пусть ждут там ласки неземные,
Но двум богам нельзя служить.
И родины черты простые
Мне не стереть, не разлюбить.

Апрельским трепетным рассветом
Твои сиянья пролегли
На все четыре части света,
Моя шестая часть земли!

* * *

Теплый речной туман.
Яхты – белые птицы.
Волга, где твой атаман? -
Синь над водой клубится.

Мордой припало к воде
Облачко, как теленок.
Ветер играть прилетел
Белой фатой черемух.

Крылья цветных парусов
Вверх из волны ныряют.
Бронзовых рыбаков
Ревом приборой встречает.

Тайну уста хранят. -
Волга, где твои сказы?
Ищут разинский клад,
Бродят по дну водолазы.

Грезятся Стеньки челны. -
Волга, где твоя слава?
Похожи твои холмы
На богатырские главы.

И - за волной следя,
Взглядом - просторы для,
Полнишься пенной Волгой.
Сам будто носишь воды,

Сам становишься Волгой.

* * *

По дороге в святую обитель
В кулаке я травинку зажму.
Чем о родине – как ни судите –
Лучше век я стиха не сложу.

Нераскрывшийся вишни бутончик,
Весь до хруста омытый росой,
Упадет на прощанье в ладонь мне
Ледяною и жгучей слезой.

Содрогнусь и рванусь – и заплачу,
Что одна на всех лямка-судьба.
И пойду, запою наудачу
Про Россию, безумно любя.

* * *

Туман морозный над равниной
Провис серебряной волной
И так застыл в ночи седой.
А я со всем прощаюсь ныне.

За то, что я отправлюсь скоро
Туда, где новая земля,
Простите, рощи и озера,
Холмы, и реки, и поля.

За то, что как пропащий самый,
Собой давно не дорожу,
Что разум вышел окаянный,
Что им люблю, а не сужу.

Что вас не заслонить отныне
Собой от бед, храня покой.
Прости меня, мой кров родимый,
Прости меня, мой край родной.

* * *

Вон она, Русь! – Вырывается пламя
Белой пурги в необъятную ширь!
Плещет и бьет молодыми крылами!
...Белый пустырь, монастырь.

Вон она, Русь! – На стихию похоже:
Ввинчена, вздыблена в мир!
И сколь веков не мелькнет – все одно же:
Кладбище. Белый пустырь.

ОТЧЕЕ СЛОВО

Мы летали с тобой на крыле ветряном
И стучались в небесную твердь.
Как же нам не гореть, как не помнить потом,
Не взлетать, и не сметь, и не петь!

Ах, ты, Отчее Слово – граненый алмаз,
Легче пуха, тяжеле руки!
Духи предков носили по отчине нас,
Заклинали про тайны: реки!

Мы летали с тобой на крыле ветряном
И мужали в путях голубых.
И не раз, и не два зачерпнули крылом
Реки крови и бездны любви.

* * *

Плуг, лук, спины трудолюбивой горб
Тожественны – я в том даю поруку.
И каждый в небе борозду провел,
В чьих очертаньях – музыка и мука.

Когда судьба вонзает в землю плуг,
Когда судьба натягивает лук,
Иль горбишься за письменным столом
Над ждущим, над невспаханным листом,

Для духа начинается работа.
Куда зевота! –
Запашется до пота!
И свист стрелы летящей ловит слух,
А сердце замирает от полета.

* * *

Снег лежит кисеей в январе
На деревьях и газовых трубах.
Вспомню бабушку свою во дворе
Что не знала ни жадность, ни грубость.

Оставляла под вечер еды
Для бомжей, или птиц и зверушек,
А сама нахлебалась беды
Сиротой, и видала бездушных.

А теперь вот и я выхожу
И пшено на снегу рассыпаю,
И мгновеньем таким дорожу,
Души птичьей в своей качаю.

От вечерней зари голубей
Снег на пышных ветвях и тропинках.
Стайки сизых летят голубей
Как на бабушкины поминки.

Стайки сизых спешат голубей
Даже если метели. -
Со спасительной веткой своей
Так же к Ною летели.

Средь потопа тьмы и тоски
Утверждая всем этим
Что есть светлые островки,
Островки добра и приветя.

АНИСИИ

Ни веткой ночь не шевелила.
А утром солнце выходило
Будить деревни, города.
А ты спала...
Как это было
Ты помнишь, помнишь? Не забыла?
Я тоже не забуду никогда.

И ты сказала вдруг:
«О жизнь... о радость!
Морская легкая вода...» -
И море было рядом. Но прохлады
Не принесла высот гряда.

А ты спала.
И зеркало пустело.
Оно без отраженья твоего
Само в себя, как некий сфинкс, глядело,
И клином свет ложился на него.

Твои веснушки, волосы, залиты
Загара смуглою волной,
Светились, ты лежала Афродитой
В огромной раковине неба голубой.

Трава по склонам порыжелела,
Посохло все, колело ноги нам,

Когда мы уходили к валунам
И раковина древняя шумела
Тебе одной и юным снам...

* * *

Так много пережили мы, что впору
Дивиться или вправду – в монастырь...
Бог милостив, дитя мое.
Ты ничего не бойся.
И что бы с нами не случилось,
Пока мы не исполним сроки,
К себе он нас не призовет.
Бог милостив.

* * *

Г. Айги

Хризантемы:
Как будто падает снег,
В руке держишь пышные хлопья.
Душа бредет за ним вплоть до горизонта,
Где все поля, огороды – равнина -
Сливаются в одну синюю линию
И синевы чем выше,
Тем больше,
Так, что она образует небо.

Небо кажущегося спокойствия
Над белым пространством,
Белыми хризантемами
Частоколом сада
И огородом.

Хризантемы: бесчисленность лет,
Вечный отдых,
Глубоко осязаемый, благовонный,
Белое-синее.
Хризантемы царствуют, когда месяц выходит –
Хрупкий, бледный, как лепесток опавший,
Как человек после болезни.

Уже оттуда, из пустой высоты,
Из холода и тоски невоплощенных душ,
Магнитом притягивающих к себе,
Слышишь зов остро,
Как будто вернулся только что.
И за тобой, над тобой бесконечность вечности:
Глаза Смерти, глаза Бога.

* * *

Поля молчания...
В них на рассвете
Снега нетаянья
Не тронет ветер.

Кора блистания
И неба серость.
Одно молчание,
Его безмерность.

И как в отчаянье
Чернее бездны,
Речей звучание
Здесь неуместно.

И голос свой подать
Так трудно снова,
Как первый раз сказать
Ребенком слово.

Ведь за спиной – итог
Равнин печальнее,
Где точкой пересек
Поля молчания.

В САДУ

Решетка завалена снегом,
Изящный рисунок закрыт.
Но кажется, тайным побегом
В нем роза чугунная спит.

Душа позабыла веселье,
Подспудно шаманит она,
Чтоб после с природой весенней,
Ликуя, воспрянуть от сна.

* * *

Как гуси-лебеди летят
Снега среди берез.
А на столе – весенний сад
Из хризантем и роз.

Перелистнулся юбилей
Рукою памяти моей.
Друзей умолкли голоса,
Цветы глядят как их глаза.

И день мой, как молитва, прост,
Я не смотрю назад.
Как гуси-лебеди летят
Снега среди берез...

ХУДОЖНИК

Он постиг душу роз,
Приобщился к раю
И плевать, что мороз
В гусельки играет
И плевать, что виски
Запуржило снегом:
Он при жизни еще
Говорил с небом.

* * *

А жизнь на ниточке мотается
Да сосны на ветру качаются.
Стихи не пишутся – случаются.
Слова не пишутся – сбываются.
Глубины, выси открываются
Душе – поэтами рождаются.

ОКНО

Ты - окно в ночи!
М. Цветаева

1.

Пусть хоть ночи дно,
Есть окно одно,
И горит оно
Как в других темно.

И когда светло,
И когда темно,
Ангел, не забудь
Про мое окно.

2.

Смотрит желтое окно
В глубь ночную, глубь без снов.
У окна сидит старик,
Ко всему давно привык.

Нагляделся на веку,
Много ль надо старику.
Память прошлых лет не спит,
Все собою говорит.

Память прошлых лет – двойник.
И к нему давно привык.
Этой памяти окно
Давним днем озарено.

3.

Быстры, проносятся виденья,
Как прошлого живые тени.
Мой взгляд всегда прикован к ним,
Хоть прошлое – всего лишь дым,
Всего лишь дым над пепелищем,
Где птица счастья томно свищет.
Под стук часов однообразный,
Размеренный, совсем бесстрастный,
Скользит в ночи теней ладья,
Еще быстрее – жизнь моя.

БОГАДЕЛЬНЯ

Старуха ставит с чаем кружку
На стол припухлою рукой
И мелко крестится. Покой.
А на столе – гирляндой сушки.

И темный угол богадельни,
Свечной огарок, в нем язык
Огня, и тяжкий дух постельный,
На крае кружки – медный блик.

Вот бьют часы на башне трудно.
Отбой. Пора ложиться спать.
Молитву кротко шепчут губы
За близких – бог велел прощать.

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ

На вокзале спеть просили, на вокзале
Все солдатики в большом холодном зале,
Где сидели, скорый поезд поджидали,
Где в Чечню их с офицером отправляли.

А я только-только с поезда ночного.
За окном – глухая темень, полвторого.
Ах, да я же не певица, только в лица
Поглядела и запела – что рядиться?

Ту старинную, военную, где в поле
Загрустил казак, привидев сон о доле.
И откуда взялся голос в холод злющий –
Так не пелось, так никто еще не слушал!

А еще все подпевать тихонько стали.
И как не было усталости, печали!
У старинной этой песни столько силы,
Что она смурные лица засветила.

Понимали мы друг друга без вопросов.
А потом примчался поезд и увез их.
Полотно-то как морозное звенело!
И казалось, эту песню пело, пело...

СОКОЛ И РОЗА

(Романсеро)

Ах, любовь сродни охоте
Королевской – соколиной!
Пели девы на восходе
Простенький напев старинный.

Лебеду они пололи,
Руки белые кололи,
Только дух переводили,
Песню снова заводили:

Расцветет в округе роза –
Что ему угрозы, слезы?
Станет роза всех прелестней –
Сокол – камнем с поднебесья!

Он искал любви девичьей,
Он выискивал добычу.
Он шагал с зеленой веткой
На свидание с запретной.

Не гордись, удалый сокол,
Не залетывай высоко:
У нее жених и братья,
К сентябрю готовят свадьбу.

Ах, любовь сродни охоте
Королевской – соколиной!
Пели девы на заходе
Простенький напев старинный.

У окошка вышивали,
На шелка слезу роняли.
Только дух переводили,
Песню снова заводили:
Он лежит во поле диком,
По груди горят гвоздики.
Белый профиль врезан в вечность.
Саваном укроют плечи...

Смерть с любовью ходят вместе –
Это всем давно известно.
Эхо выстрела в дымине.
Вой возлюбленной в долине.

* * *

Как в заколдованном лесу
Кривые черные деревья.
На ели галка чистит перья
И сор от шишек на снегу.

Как в сказке, помнишь?
Чуду рада,
И как когда-то вместе мы,

Я затеряюсь в снегопадах,
Ища фиалки среди зимы.

Мне так нужны твои дороги,
Печали, радости твои,
Возьму себе твои тревоги –
Я не могу жить без любви.

Я задыхаюсь в мертвом мире
Бездушных фирм, огней реклам.
Где не дают очнуться лире,
Проклюнуться небесным снам.

Я только- только от картины -
Все испытал художник – брат:
Чем жизнь темней, невыносимей,
Фиалки праздничней глядят.

О дайте мне минуту счастья -
Я все потом легко снесу!
Найди, спаси среди ненастья,
Как в заколдованном лесу.

* * *

Ты хотел на груди у меня умереть,
Я хотела с тобой умереть.
Но радостно было на землю смотреть,
Презрев разлуки и смерть.

Заблудились с песней оба
На тропинках пыльных рая:
Полюбив, люблю до гроба,
Вместе с милым умираю.

Эта песенка простая
На губах не исчезает,
В сердце вьется, не смолкает,

И в крови бушует маем,
Свет в глаза переливая,
Золотым дождем играя.

* * *

Когда-то сонеты рукой молодой
Столетия назад я писала.
Как будто не я...
И в ночи грозовой
Одиноко душа не пылала...

Две ветки сирени – из прошлого весть
Крест-накрест легли на сонеты.
И вдруг все вернулось,
И чудом вновь есть,
На миг воскресилось все это!

И память уже обступает кольцом,
И счастьем, и горем пахнуло в лицо,
Как ветром с речной излуки,

Так живо, так молодо-жутко все!
И через столетия разлуки
Тяну к тебе скорбные руки.

ПЧЕЛКА

«Пчёлка золотая»

Г. Державин

На пиру была я в зеленом саду,
Красотой сыта я, как пчелка в меду.

Страсть как сладко пелось в звоны соловья,
Каждому охота погулять как я!

Как угодно богу радость выражать,
Ну хотя бы пчелкой, пчелочкой жужжать!

Пчелочкою, пчелкой в желтом шушуне
С черными застежками – вот такой бы мне!

Стала бы я тоже весело летать
С цветика на цветик и в цветок опять.

Стала бы довольно гладить я в траве
Толстенькое брюшко лапками себе.

В него, как в барабанчик, возьму заколочу
Да на всю вселенную громко закричу:

Нет меня красивей и нарядней нет!
Пусть бежит художник рисовать «патрет!»

Как бы я хотела пчелочкой летать
С цветика на цветик – и в цветок опять!

В золотую горницу к боженьке нестись,
Майского медочку, меду приносить.

Боженька с улыбкой бы на меня смотрел,
От такой заботницы сердцем веселел,

Если пчелка, пчелочка над цветком жужжит,
Значит, не кончается, соком наливается
На планете жизнь!

ВОЗВРАЩЕНИЕ АНГЕЛОВ

В движенье неба парусина
Под ветряные веера.
И много, много мрачной сини,
И много, много серебра!

А из глубокого прорана
Под океаном без границ
Сонм ангелов полетом плавным
Спускается тревожно вниз.

То Путник из безвестной дали
Вновь подошел, стоит и ждет.
И небо с водью замерцали,
И все трепещет, все поет.

Уж вокруг Него крыла мелькают,
Как серебристое кольцо.
Он к ним, усталый, обращает
Многострадальное лицо.

И сонмы легоньких сверканий,
И белизна одежд Его
Слились в громадное сиянье,
Что тихо в океан легло.

* * *

Вино я разделю с бомжом,
Хлеб преломлю с бродячим псом,
И ризы, кои век ношу,
Старушке нищей положу.

Я кровь свою отдам воде,
А тело – праху, он везде,
И так – под лип небесных сень,
Где лишь Его мелькает тень,

С кувшином по холмам цветным,
Рабою верною – за Ним.

* * *

Помню, была крылатой.
Помню, жила без тревоги.
Помню, прозвали когда-то
«Девушка – звонкие ноги».

Не важно, в каком наряде
Лучилось гибкое тело.
И уводила взглядом,
Кого увести хотела.

Смеялась на порчу и сглаз я,
Рыжая и босая...
И люди частицу счастья
Брали, к руке прикасаясь.

БЛАЖЕНСТВА

1.

Все это – из пятых, десятых чувств...
Так было давно, в Форосе,
Где, как зажженные лампы, медуз
В Турцию волны уносят.

И я лежу, утопая в песке,
Слушаю музыку моря,
А в синем гроза гремит далеке,
Раскатом раскату вторя.

И солнце в моих закрытых глазах
Через листву играет,
И винограда золотая лоза
Рубины к земле склоняет.

И прошлое, и настоящее – тут.
Мне было дано коснуться
Каким-то чудом воскресших минут,
В себя былую вернуться.

Все это блаженством люди зовут...

2.

Прийти на землю – редкое блаженство!
Увидеть белых статуй совершенство,
Столиц, садов – и вдруг ромашки стайкой
На бездорожье выбегут встречать,
И ничего нет слаще, чем рыдая,
К ним, тоже смертным, головой припасть...

Увидеть всю – от горных льдистых кряжей
До океанов и пустынных стражей –
До пирамид и джунглей облетать!
Во всей земле к одной могилке малой,
Где мать лежит, что песни напевала,
Рыдая, головой седой припасть.

Приять жестокий, трудный мир людей,
Красу земли стихий, смертей и дней
И в завершенье своего пришествия
Все потерять и снова обрести...
Последнее горчащее блаженство –
Уйти.

* * *

Широкий луч так царственно пролег
На землю и верхушки красных кленов,
Как будто боль болящий превозмог,
Восстал, чудесно силой одаренный.

Он словно послан всем, кто в трудный час
Нуждается в надежде, утешенье.
А чтоб навеки дивный луч не гас,
Я заключу его в стихотворенье.

* * *

Что-то в небе снова раскрутилось,
Боги ли рассорились вконец –
Над домами громко прокатилась
Сотня мелких огненных колец.

Закачались донника поляны –
Можно в рост укрыться малышу.
Взволновались медуниц туманы
Синие – в берез зеленый шум.

От ударов грома дом трясется,
Ливень в стены бешено стучит.
Бабка часто крестится на солнце
И притихнуть ребягне велит.

А оно вошло да разгулялось –
Ливень, знать, на радость всем грибной!
Лебедь-занавеска размахалась,
Улететь пытаясь не впервой.

Малый распахнул окно без спросу,
Ребягня во все глаза глядит:
Прямо перед створкой, перед носом
Шаровая молния стоит!

Повисела, да и укатилась,
Вспыхнула, рассыпалась в траве...
Радуга над миром расцветилась,
Хороша в промытой синеве!

Молодая мать домой заходит,
Косы начинает отжимать.
И как дань стихии и свободе,
С них струится водяная прядь.

Мокрый пол и платьице – до нитки,
Мать смеется, радости дождась.
На руки берет дитя с улыбкой -
Серебристой Девойю дождя!

Запах трав, дождями обновленных,
Тоньше и нежней любых духов.
В серость, сирость с неба просветленно
Канут слезы легких облаков...

ПРОЩАНИЕ С САДОМ

Дождь, конечно, будет. В душный сумрак спальни
С ягодных полянок, из расцветших лип -
Долгий и печальный, трепетный и дальний
С молнией и громом первый ветра всхлип.

Лето, ты божественно! Лето, ты пленительно!
Сотовые выключим. Сядем, помолчим.
Жить в лесу – естественно, жить стихом – мучительно.
Вот и сад свой старый завтра продадим....

На полу – невскрытые белые конвертики.
Не люблю я письма слать и получать.
Лучше переписки с человеком встретиться -
И глаза все сами могут рассказать.

Сладко и томительно ветряными всхлипами,
Патокой тягучею сердце наполнять...
Вымерзшая роза тут цвела под липами, -
Под автостоянку станут вырубать...

На еловых шишках самоварчик медный,
Струйкой пар пуская, все еще шумит...
Об навес дощатый ветхонькой беседки
Дождик земляничный радостно стучит.

Прощай, мой сад!
Здесь соловьиство трели

Звенели от утра и до утра.
И здесь, в твоей зеленой колыбели,
В баюкающей голубой метели
Была моя счастливая пора...

* * *

Опять дышать и радостно, и больно.
В колосьях ржавых, в диких мальвах путь.
И силуэты древних колоколен
Опять волнуют грудь.

Корабликами белыми по небу
Недвижные повисли облака.
И кажется, с Борисом и со Глебом
Мы разминулись только что слегка.

Из глубины распаханного неба,
Где нежно всголубел цветущий лен,
Вслух восславляет это благолепье
Торжественный, как мед тягучий, звон.

ИЗ СУРСКОГО ЦИКЛА

1. КНЯЖУХА

Зелень, желтые цветочки
И – холмы, холмы, холмы...
И низины да источники
Тихой святостью полны.

Красных зарослей угодия
За Сурой то там, то тут.
Эту красную смородину
Здесь княжухою зовут.

Рвал ты вызревшие кисти –
Их губами с рук брала
И такой счастливой в жизни
Я еще и не была!

Ой ты, ягодка-княжуха!
Чтоб добра к нам притянуть,
Даже встречные старухи
Не переходили путь.

И мать-мачеха тянулась
Теплой стороной листа.
В синь с горы легко взметнулась
Мощь Николина креста.

2. В ЧАСОВНЕ

Мы ставили тонкие свечи
В часовне, где лики скорбят. -
О горьком, о брennom, о вечном...
И каждый - молясь про себя.

И темные лики светлели
Пред белым нежгущим огнем,
В раздумье под стоны метели
О вечном, о кратком, простом...

Мы вышли, а небо синело,
Так нежно синело над ней,
Что сердце в ответ зазвенело
От радости сильной своей.

НАДПИСЬ ПОД КАРТИНОЙ

Слепцы с поводырем бредут,
Держась спокойно друг за друга,
Не ведая, куда свернут,
А он незряч. - Такая штука!

И ты, и я меж них бредем.
И если даже упадем
С обрыва в пропасть – в целом свете
Никто того и не заметит.

И может быть, так даже лучше,
Что есть на все всевластный Случай,
Коль изменить ничто не можешь,
И все же, все же, все же, все же....

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Плачет в небе синяя звезда,
Что гореть ей, бедной, не всегда.

Плачет нерожденное дитя,
В жизнь скорбей и горестей идя.

Плачет старец, немощен и сир,
Что он покидает грешный мир.

Плачет тополь о второй ноге,
А Кащей – об умершей Яге.

Мыльный пузырек, Земли двойник,
Не успев заплакать, лопнул вмиг.

Да и ты, хороший мой, не плачь!
Вот тебе и дудка, и калач.

Вот тебе – дорога до креста,
Чтоб собой заполнить – пустота.

НОВЫЙ ДЕНЬ

В лоне тьмы зарождается свет.
С новой песней выходит поэт.
Красен мед. И красна чечевица.
Своего первородства стыдится
Тот, кто голоден, гол и разут.
И за несколько сытых минут
Добровольно лишается права
Выше всех быть, как камень оправы.
В черепах мертвецов без управы
Поднимаются буйные травы.
Нежно песню невеста поет.
Новый день на земле настает.
И ребенок бежит за порог,
Чтоб сорвать заалевший цветок.

* * *

Не видеть этот мир,
Хоть он порой прекрасен,
Сквозь бальтазаров пир,
Средь мятежей и басен,
Где властвует мундир,
И кровью пол окрашен,
Где пасть не в рукопашной,
Где в жизнь идут, как в тир,
Где хлад тюремных башен,

Где человек бумажен,
Где золото – кумир,
Все - купля и продажа,
Честь вымазана сажей...

Благословить сей мир
Задорно и бесстрашно!

* * *

Ой, ты, родина! Тихая родина!
Припадаю к тебе головой.
Обнимаю стволы и колдобины,
И целую твой лютик простой.

Верю, верю в тебя, небывалую!
Отдаю тебе душу свою.
И с вечерними зорями алыми
Тебе светлую славу пою.

Отзываешься лаской великою:
За дубравой, за Волгой-рекой,
За крылатыми птичьими кликами
Слышу, слышу твой голос живой!

Ужаснешь стариной. Кинешь под ноги
Черна ворона, сказ прохрипишь...
Потрясешь своим воинским подвигом,
Своей тягой земной укрепишь.

Этот голос - лучом алым по сердцу!
Откровенье. Небес киноварь.
А вокруг переливно колосится
Твой пшеничный, в ромашках, алтарь.

Ой, ты, родина! Тихая родина!
Припадаю к твоим жемчугам –
К твоим росам, сугробам, смородинам
Да к твоим незакатным словам!

ДВА ПОРТРЕТА

В изящных пальцах – четок ряд.
Наряд монахини суровый.
И умудренный скорбью взгляд –
Таков портрет вдовы Тучковой.

На светский лик утраты боль
Легла, как тень, неодолимо.
Но разгорается любовь
Лампадою неугасимой!

На поле Бородинском пал... -
Два века нас волнует это.
И смотрит юный генерал
В глаза с соседнего портрета.

МЕНДУРСКОЕ КЛАДБИЩЕ

На деревьях прибиты кресты. –
Это место расстрелов Гулага.
Ты плесни в злую землю воды,
Опрокинь с русской водкою флягу.

Положи же им хлеба краюху
И пусть капает, капает дождь...
Помяни или брата, иль друга
И словами их душ не тревожь.

И на этой нечаянной тризне
Взвесишь сам безо лжи все в душе.
Стукачом, палачом в жуткой жизни
Стать отныне не сможешь уже.
Недалеко от Йошкар-Олы.

КУРОРТНЫЙ РОМАН

Как Кавказ это было – вдруг,
Вместо снега – роз благодать...
Он сказал: «Хорошо, что есть друг,
Будет письма кому писать.

Я отсюда – сразу в поход.
Может быть, письма не придет.
Это значит, когда вернусь,
Сам к тебе заявлюсь.

Если ж письма мои зашпешат –
Значит, выбыл навек адресат...»
Разъезжались они в туман –
Ах, какой интересный роман!

И так радовалась она,
Что пока не пришло письма!
Все казалось красивым сном –
Может быть, все придумал он?

А на севере – стужа, тьма...
И боялась, ждала она
Хоть бы весточки от него,
Только в ящичке – ничего.

Вдруг из Афганистана в дом -
Горы нежности под сургучом.
...И как вдове на пальце кольцо,
Враз погасло ее лицо.

1985 г.

СЧАСТЛИВЧИК

Забрили молодого, золоченного
Российским ветром - в огненный капкан.
Над головой сомкнулись воды черные –
И повезли - в Афган, в Афган, в Афган...

Заплачет мать, все школьные подружки,
Что нет вестей, а твой братан убит,
Что пьют в домах из поминальных кружек,
Везут назад – гробы, гробы, гробы...

Какие парни – корень-парни были!
За что в плену пропали и в огне?
Заплачет он, что и его убили
На скрытой той войне, войне, войне...

Вернули с сединою, истолченного
В железной ступе раненных годов,
Недобрый волей всей судьбой вкрученного
В кровавый вихрь боев, боев, боев...

И расступались воды эти страшные.
И собирались все, кому не лень.
И за столом сидели новобрачные, -
И все цвела, цвела, цвела сирень!

ПОДВИГ МАШИНИСТА

Памяти Г. В. Гаврикова. 1960 г.

Он был красивым как Есенин
И на Есенина похож.
Глаза с голубизной весенней,
А кудри – золотая рожь!

Он был отличным машинистом.
И там, где детство пронеслось,
На перегоне, где ракиты,
Гудел пролетный тепловоз.

Мать выходила из избушки
На три приветные гудка.
И было радостно старушке,
Что все в порядке у сынка.

И дома ждут его любимые
Жена и маленькая дочь.
А жизнь еще такая длинная!
И не бывает вечной ночь.

Лежит железная дорога –
Всей жизни пульс и магистраль.
С надеждой, радостью, тревогой
Нас всех несет куда-то вдаль.

Мелькают за окном просторы,
Ведущему – вперед смотреть,
Ведь машиниста, как сапера,
Один лишь раз целует смерть.

Она внезапна и кровава,
Виновных в ней – ищи пойдиди!
Таится миной иль составом,
Или поломкой на пути.

У машинистов с их работой
Не просто так житье-бытье –
Им быть готовым, как на фронте,
Принять крещение свое.

Лежит железная дорога
И рельсы – тронь их – зазвенят...
Они уводят от порога,
Они про судьбы говорят...

В рейс уходил он за другого...
Туман. И дождик моросил.
И светофор у перегона
Огни зеленым засветил.

Устали машинист с помощником,
Обратно сухогруз вели,
Два огонька зеленых – точно! -
Шепнули, что почти пришли...

И скоро станция Охотничья,
А там – Ульяновск – и домой!
И светофор в дожде и к ночи
Направил их на путь второй.

Все ближе станция...
Как выкриком
Вдруг подступившей маяты,
Лучом прямым прожектор выхватил
Железный блеск из темноты –

Цистерну вставшего тут поезда! –
Уже нельзя затормозить
На скорости, огромной скорости!
Лишь спрыгнуть – и остаться жить....

Пред машинистом во мгновенье
Промчался метров-мигов счет.
Но чтоб предотвратить крушенье
Не достает четырехсот.

Он понимал, что дальше будет:
Ужасный взрыв. Дома в огне.
И главное – погибнут люди,
Пускай и по чужой вине.

Он вырубил пульт управленья.
Все сыпал тормозной песок.
Столкнул помощника – в спасенье.
И встал в кабине, одинок.

Перед заветным перегонном
Гудка подать не довелось.
Без управленья, под уклоном
Катил вагоны тепловоз.

Пред взором – жуткая картина
С цистерною под колесо...
Пред гибелью неотвратимой
Рукою он закрыл лицо...

Сверхсилой сердца, волей строгой
Он свой перешагнул расчет:
Предотвратил он катастрофу,
Смог задержать состава ход.

Вблизи родного перегона
В кусках железа и крови
Его нашли потом по стону,
Но не сумели оживить...

На станции без слез и терний
Ненарушимо жизнь текла.
Лишь в дом ульяновский вечерний
Весть черной гостьею вплыла...

И Иван-чай цветет пожарищем
На месте гибели его.
И с поездов дают товарищи
Гудки в честь подвига его.

Июньским днем перед вечером
И стар, и млад к нему спешит
На кладбище родной деревни,
Где рядом с матерью он спит.

Молва летит по белу свету –
Снимают кепки на пути...
Ушел в народную легенду
Он, не дожив до тридцати.

Здесь, под листвы шумящей сенью,
По сердцу – ласковая дрожь:
Он был красивым, как Есенин,
И на Есенина похож.

ПОМЯНИ МЕНЯ

Помяни меня, милая,
В белом поле за Припятью,
Где печаль моя светлая
Для тебя будет пристанью.

Помяни меня, милая,
У чеченской сторонушки,
Там, где пуля постылая
Набивалась мне в женушки.

Помяни меня, милая,
Там, где избы забитые,
С деревенькой забытою,
Над родными могилами.

Помяни меня, милая,
Выйдя в поле широкое,
Глядя в небо высокое,
Где лучи льет звезда моя
Над тобой в даль далекую.

д. Помаево Ульяновской области

СТЕПЬЮ-ПОЛЮШКОМ

В. Букину

Я иду степью-полюшком....
А надо мною небо чистое,
И кругом - вольна волюшка,
Ковыли мои волнистые.

Я иду, думаю думаю:
Широко ты, русско полюшко!
Высоко ты, русско небушко!
Непроста ты, русска долюшка!

Подорожники мне – в ноженьки,
Все солдатская да травушка...
Эх, полита нашей кровушкой,
Дорога России славушка!

Прохожу с поклоном кладбищем,
Словно буйный конь стреноженный:
Здесь с недавних войн товарищи
Молодые да пригожие!

Пусть кому-то и поплачется,
А кому и весело, -
Стяги праздничные алые
Зорька по небу развесила.

Мне бы песенку негрустную,
И с косою русой девицу,
Всколыхнуться, поразветься
Под гармонику русскую!

Разгуляюсь я на краю –
Лишь столбом пыль закрутится!
Раскидаю я боль свою
С нашей жизни беспутицы.

Чтоб как думалось, вышло так:
Солнце доброе – в оченьки,
Белый аист – над крышею,
Белый лебедь – над озером.

* * *

Зачем-то вспомнила под говор голубиный
В саду калину...
Она такая пышная была
И цветом белокипенным цвела,
И ало изукрашена кистями,
Невестою встает перед глазами...

Ее любила мать, и нежно обирала
Перстами тонкими те ягодинки алые...
Калиной в сахаре, как снег покроет грязь,
Мать от простуды потчевала нас...

И мамы нет, и сада нет с калиной,
А все душа к ним тянется незримо...

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

1.

Молясь на ночь, целуй Богородицу –
Не забудет детей своих.
В небе звездочки хороводятся,
Темный ветер в стогах затих.

Много нас по стране неприкаянных
И живущих давно на авось.
Много Иродов, много Каинов -
И поехала жизнь вкривь-вкось.

Но откуда-то глас доносится
И молитва из слов простых:

Молясь на ночь, целуй Богородицу –
Не забудет детей своих.

2.

Нам хоть с посохом, хоть без посоха,
Да хоть по суху, хоть по воде,
Хоть ни капли в рот, пить ль без просыпу,
Куда кинь – все нам клин везде.

На душе – тоска непонятная
Под залиvistый лай собак.
И одна лишь мысль неприятная,
Что идет все не так, не так.

Поцелую я Лик задумчивый,
Шторы длинные растащу
И с надеждой на доброе, лучшее
Ночь с огнями к себе впущу.

В небе пыхнут редкие всполохи,
Словно чьи-то души, мечась.
А по низу – алые полосы
Или складки Ее плаща?

И мне верить блаженно хочется,
Что не зря темный ветер затих –
То проходит страну Богородица,
Охраняя детей своих.

НЕ ДАЙ МНЕ БОГ

Не дай мне Бог игрушечных страстей
И показной, на выхвалку, молитвы.
Не дай мне пережить своих детей

И позабыть умерших и убитых.
Не дай мне Бог.

Не дай мне Бог за деньги глотку рвать.
Не дай остаться без ломтя и крова.
Не дай мне Бог за Русь не пострадать.
Не дай мне жить без мысли и без слова.
Не дай мне Бог.

Не дай мне Бог обузой в старость быть
Иль камень класть в протянутую руку.
Не дай мне Бог не верить, не любить,
Не дай остаться без Твоей поруки.
Не дай мне Бог.

Не дай мне непощения грехов,
Позорной смерти, жизни коловерти,
Не дай бездарных и пустых стихов,
Не дай покров очам души до смерти.
Не дай мне Бог.

* * *

Сумрачный вечер. Рябина в снегу.
Надо смириться, а я не могу.

Немощь и ревность меня извели.
Верность и гордость меня не спасли.

Много обидных запальчивых слов.
Много нападало скользких снегов.

Надо принять все как есть. Не могу.
Тонет рябина в синем снегу.

Будто бы ветка под ветром мечусь.
Все потерять его душу боюсь.

Господи, жизни почти на краю
Я и не знала, как сильно люблю.

Гроздь под снегом тревожно горят,
Нежность и горечь они не таят.

Я обронить терпких ягод не рвусь.
Я потерять его жутко боюсь.

Не к кому, незачем больше спешить
В странно распавшемся круге души.

Сумрачный вечер. Рябина в снегу.
Крохи последней любви берегу.

Жалкие крохи безумно горят
В раненом сердце, как зимний закат.

БАШМАКИ

Мои башмаки, подбитые ветром,
Как сказал Рембо, на вас километры,
Отпечатавшиеся на подошве,
Перед глазами встают дотошно.

Мои башмаки, мы все испытали,
Таких не найдешь в Нью-Йорке, в Непале,
Вас камни и ливни в труху раскатали,
На вас кто еще польстится едва ли.

Вас смастерил нищий сапожник,
Для таких же нищих, для бездорожья,
Вы столько носились, что быть не может,
Купленные за медные гроши.

Пора прощаться, но грустить не стоит,
Когда и тело, такое родное,
Пойдет в скором времени на потребу
Червям и грязи, а не небу.

Вас, как букетик отцветших фиалок,
Мне выбрасывать вправду жалко,
В Н-ском городе, на Н-ской свалке
Одни вы заплачете о хозяйке.

* * *

Целую всех печалющихся в очи,
Как ластящийся и пуховый снег,
Как слезы неба, падающие ночью,
Целую всех!

Дай бог, дай бог набраться вам терпенья
Для жизни на земле,
Которого для мудрого смиренья
Так не хватало мне!

Дай бог, дай бог прожить вам, лба не хмуря,
Свой миг – свой век.
Хотя б за то, что вызывала бурю,
Целую всех!

Пусть ветер, налетая, гасит свечи,
Скажу спокойно, выгорев дотла:

Такою нежною, как в свой последний вечер,
Еще я не была.

* * *

За словом – глубь.
За поворотом – даль.
За радостью –
Бездонная печаль...

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ

Глубока синь молодого утра.
Птицы все расселись по рядам
На ветвистых клиросах, как будто
Знака ждут, не поднимая гам.

Как монашки, в черном. Кто побольше –
На верхах, а мелкие – в низах.
Смотрят в небо. Ждут.
Восходит солнце!
Солнце в ослепительных лучах!

Солнце в золотистом оперенье,
Сказочной жар-птицей над землей,
И в полнеба на небесном древе
Празднует восход коронный свой.

Ангелки плывут на белых тучках:
Из-под крыльев свет, венки в руках.
Раздается стройный хор могучий –
Боже правый, хорошо-то как!

Все поет! Все жизни славословит!
Воздух, что толченное стекло,

Весь искрит, пронизанный любовью...
Даже умереть не тяжело!

И уже приходит все в движенье.
И взлетают, небо рвут крылом
Птицы, так похожие на женщин
В красном, синем, желтом, травяном.

А под ними в радуге ресниц,
С переливом виноградных глаз,
Чтобы праздник жизни не угас,
Женщины, похожие на птиц,

В божьем мире, мире без границ!

* * *

Ах, на рассвете – в сонь
Мяты с малиной звень,
Шум голубых лесов,
Радуги деревень!

Я не приду к тебе,
Нынче на чувства – пост.
С веток – росы капель,
В реках – купанье звезд.

Да родников язык,
Чистый, как семь молитв,
Да петушиный крик
В глушь золоченых лип.

Ах, на рассвет такой,
Все, кого нет, с тобой,
Все, кто сквозь сонь проник

Прикосновеньем губ,
Прикосновеньем рук, -
Радости чистый звук
Всех, кто бессмертно люб.

АРСКОЕ

Я ехала раскинутым привольем
Туда, где над купальней божий крест,
Где бьет родник, в ромашках крупных поле,
Холмов белесых волны до небес.

До Арского старинного подворья
С зеленой Сельдью, что под жаром спит,
А храм блаженной Ксении на взгорье
Как бы на пышном облаке стоит.

Я в тех садах гуляла и молилась,
Там каялась и ликовала там.
Там Ксения дала мне чудом силы
Идти по ее благостным стопам.

ПРОСТО ЧЕЛОВЕК

Видеть не могу голодных кошек,
Не люблю стреляющих людей.
Вырядилось полюшко в горошек
И рассвет от озера синей.

Хорошо пройти росистым лугом,
Хорошо с природой помечтать
И оздоровиться нищим духом,
Унести причастности печать.

Боже, боже, до чего же просто!
И пускай ты весь зажелезnel,
Отлетает ржавая короста,
Для которой тоже есть предел.

И опять обнимет ветер свейский.
Выйдешь к людям, в свой торгашный век,
Не чиновник и не полицейский,
Не бандит, не рвач и не судейский –
Просто человек.

* * *

Деревья памяти растут
И разбегаются дороги
По полушариям положим,
И собираются, как ртуть,

Чудесной силой притяженья
В одну, завещанную всем...
Родник под сенью кедра нем,
В одеждах белых отраженье.

Душа как будто все здесь знает
И ждет прихода херувима.
А сердце сладко замирает
От нежности неодолимой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Будут звезды глядеть не моргая,
Свет приветный зажжется в окне.
Отгуляв по околицам рая,
Милый друг возвратится к жене.

Счерпан мед и бутылка пустая,
Съеден хлеб горемычнейший наш.
Не страшны ни вороны граи,
Ни на Лысой горе нам шабаш.

Ни наркотик любви нам не страшен,
Ни российская слава в пыли.
На полянах, заброшенных пашнях
Одуванчики мирно взошли.

Для прозревших – ни рая, ни ада,
Просто – жить по душе, не в чести.
Губы дрогнут: «Упреков не надо.
Если сможешь – прими и прости».

* * *

То кидали в костры – замерзала от зноя!
То ложили живой под кресты.
Потому и чудесная встреча с тобою
Мне глотком родниковой воды.

И на тесной земле – благодарствие богу,
Что мимо тогда не прошли.
Я запомнила теплые камни дороги
И воскресное солнце в пыли.

* * *

Я принесла в твой дом не томность взгляда,
Который по весне пленяет вдруг,
А мягкость золотого листопада,
Когда покоем полон каждый звук.

Где не речей беспечная игривость,
А сухость губ, которые не лгут,
Ночей осенних ясных молчаливость
И верность рук, которые спасут.

* * *

Дал образок, жалея –
Все я снести смогу!
От горя я хорошею,
Как молодка в снегу.

Время меня догонит.
Горе меня добьет.
Легко мне взмахни рукою,
Запомни меня молодою
У городских ворот.

* * *

...но люблю буйство красок и бездны полотен,
Где я молнии кистью, зарницы ловлю!
Тяжесть зрелых плодов и роскошество плоти,
И биенье ликующей жизни люблю!

Пусть оно обольется кипящею кровью,
Неспокойное сердце, - лавиною с гор!
А перо устремится в разбег к тучам горным
Хладной мрачности века наперекор!

И опять будет ночь! И опять буду смело
Призывать я в лачужку парнасских богинь,
Как веселое солнце в груди повелело,
Как поэтов старик наставлял Карамзин.

Я оттуда, из осени самосожженья,
И сожженье свое тороплю, тороплю...
И цветуще-прекрасное жизни мгновенье
Богоданною властью остановлю!

Как бывало уже, за трудами своими
Вдруг увижу – почую - сиянье во мглу,
Дуновенье и легкую руку богини
На пылающем лбу.

ОБЕЗЬЯНКА

Обезьянка сидит на плече выпивохи
Возле Цума, где граждане ловят такси.
Под холодным дождем ее платье промокло,
А от взглядов зевак ее мучает стыд.

Пляши, обезьянка! Ты лучше актрис,
Которых партер вызывает на бис.
Я тоже, бывало,
За грошик плясала.

В этом розовом, детском, нелепом платишке
И со старчески-сморщенном грустным лицом
Тебя не забудут, поскольку из жизни
Ты случайно заброшена в их окоем.

Пляши, обезьянка, как прежде плясала
В портах, кабаках, у морского причала,
С рожденья до смерти –
Сначала, сначала!

* * *

А. Дорошенко

Я в эту осень сплю невинным сном растений.
Увядшие цветы мне дарят грусть свою.
А повилика, вьюн мне оплели колени
И я забылась в них, сном красных листьев сплю.

Сном рухнувших надежд, вином воспоминаний
Я, опьяняясь, сплю, - вином разлук, потерь,
И поздних сожалений, и мечтаний,
И тени входят в запертую дверь.

Грустит шансон, грустит вино в стакане,
Гранатовое, терпкое, как кровь.
И яблоки гниют, забыты на диване,
Из вазы на столе горит калины гроздь.

Я вижу за окном у пристани корабль:
Он ждет меня, но я не тороплюсь.
Мне снятся море, чайки, камни, крабы
И снятся мне все те, кого люблю.

Они вошли, расселись вокруг камина.
Вино все слаще, розовой зола...
И темный ветер песни о любимых
Уносит в голость нив и в дали без тепла.

ЛИСТ КЛЕНОВЫЙ

И дождь волос моих струится,
Чтоб продолжаться за окном.
Возы лиловых, красных листьев –
В зеленом, медном, золотом.

Лучи легли на лист под кленом,
В прожилках солнечных он весь!
Их ровно пять, и так знакомо
В них ободренье жизни есть.

Те пять лучей вношу я в дом –
Протянутую мне ладонь.

ВЕТЕР

Ветер нагнал желтых рыбок в сеть –
Узкие листья ивы.
Что у меня в этой жизни есть? -
Ветер в речном заливе!

Кто в целом мире самый родной? –
Всех бездомней на свете,
С плоткой, забитой летящей листвою,
Ветер, хрипящий ветер!

Он на песке выводит слова,
Шепчет мне сны предместий.
Чем откликнусь, покуда жива? –
Песней, полночной песней!

ЗАКАТ

Стужей пронзающий вечер.
Ельник в закате горит.
Сердце мольбы свои шепчет,
Сердце болит.

Нет, не о встрече
В красном тяжелом дыму
Сердце мольбы свои шепчет
И не поймет почему.

Кровью взахлеб обливаясь,
Сердце безумно страдает
Тьмы посреди.

Кажется, жизнь догорает.
Лишь равнодушно-глухая
Ночь впереди.

* * *

Первое сентября.
Неторопливый день.
На крыши – колоколов
Перетекает звень.

Звезды глянут – и ночь
В окрестностях деревень.
Так – с чернильных небес
Перетекает темь.

И снова солнце взойдет.
И всякий теплом согрет.
Так – в души с лучей
Перетекает свет.

* * *

Слышишь сердца стуки
В шелест ноября:

Ничего оставить
На потом нельзя?

Добрых совершений,
Трудных объяснений,
Искренних объятий,
Навсегда прощений.

Месяц бросит отсвет,
Сквозь туман скользя.
Ничего исправить
На потом нельзя.

Шепот ветра, трепет
Свечек поминальных,
Листьев детский лепет
В ноябрях печальных.

Слышишь сердца стуки -
Сожалений звуки,
Запоздалый опыт
Горестной науки?

МОЛЧАНИЕ

«Точка, тире, точка».

Р. Виктюк

И в этом правда есть:
Молчание – свобода.
Молчание – твой жест,
Угодный, неугодный.

Мы молча говорим
С разверстым небосводом.

В молчанье входим в храм,
И снова замираем
Пред Божьим ликом там,
И сердце раскрываем.

Мы молча говорим,
Когда душой страдаем.

Молитва горячей,
Когда так молчалива,
Как никнут над водой
Задумчивые ивы.

Молчание порой
Всех слов красноречивей.

Для счастья нам дана
Лишь пауза молчащая,
Лишь пауза одна
Между двумя несчастьями.

Лишь пауза дана
Между двумя несчастьями.

* * *

Голубые деревья
На вечернем снегу.
И закат рыжий перья
Распластавший в логу.

Пахнет коркой арбузной
И хрустит под ногой

Снег, морозно-жемчужный
И такой молодой!

Янтари на рябине.
Зимородка полет.
...Вдохновенность России
Не зависит от нот!

О, волшебное имя,
Озвеневшее даль!
Голубая равнина –
И родная печаль...

* * *

Такая ясность есть в начале октября:
Лазурь чиста и небо благосклонно.
Вокруг дерев горит опавшая заря
И солнце не уходит с небосклона.

Все веет новизной, ожившей для меня,
И кровь быстрее бежит, и в ней сильней волнение,
Как будто своего земля дала огня
Для вдохновенья, как для воскрешенья!

И с ветром вверх мне запросто лететь
Душою или так – раскинув руки!
...Но вдруг трагическая весть
Перекрывает все красоты грубо

Размашистою черной полосой
По сердцу, по заре и по лазури.
Оборванный полет, приют земли сырой,
И вечер недовольно брови хмурит.

Шагаешь с этой вестью сам не свой,
И вдруг – церквушка и Распятья глянца...
Войдешь под купол осени златой –
Все смерть глядит из роскоши убранства.

И вот стоишь, застигнутый как вор,
Которого расплата не пугает.
И это не листья цветной костер,
А жизнь твоя красиво догорает!

Летит укор невнятный до небес
Под ризами прощальной позолоты –
Колоколов торжественная песнь,
Но в ней звучит трагическая нота...

ПЕЛ СОЛОВЕЙ

Всякое было в жизни моей.
Но сквозь беду и тщету
Пел соловей, пел соловей
Весной в зеленом саду!

Вот за собой вереницу дней
Как плакальщиц хор веду...
Голос колечком златым соловей
Обронил в пустоту.

Мечутся листья, что стайки теней.
Все деревья во льду.
Разве напрасно пел соловей
Весной в зеленом саду?

* * *

Все приходит слишком поздно:
И признание, и успех.
Зимний день ядрено-розов,
А морозы красят всех.

Посмотри: вот эти руки
Потрудились на добро.
Подарило сладость муки
Им летучее перо.

Эти руки не из стали.
Слышишь, мамка-синева?
Эти руки не устали
С неба списывать слова!

Все. Ни звука, ни ползвучка
Из того, как краток путь
В поле, где растут разлуки,
Воздух вечности плотнеть.

* * *

Без края и конца родные дали!
Хрупка, как скорлупа яйца, лазурь.
Алеет солнце как цветок купальный
И всех бодрит морозец зимних утр.

Прекрасен русский снег в сплошном сиянье
И месяц хоть кого сведет с ума!
Волнуют ветра русского лобзанья,
Россия изумительна сама!

Здесь женщины, похожие на пламя,
Из сказок залетевших дивных птиц
И с неземным очарованьем лиц.
Здесь оживают тайны и преданья
Под их крылатым трепетом ресниц.

Они поют сирены голосами
И пенье стелется над ширью, над холмами,
Когда душа до неба достает.
И всякий русский на него идет.

* * *

Над городом твоим – чудесный благовест
И снег в глаза целует всех с утра.
Как на лубке, летит с пригорка, радуясь,
На заснеженных санках детвора.

И на твоей протянутой ладони,
Сверкая, тает синяя звезда.
Тончайший запах источает донник,
Усохший, в одеянье изо льда.

Он веет медом, солнцем над снегами.
И вольной волей – белая река.
А снег идет и падает слоями
На ширь, на розы в гриве рысака,

На островков негаснущее пламя
И сыплет звон над нами, над домами
Небес благословляющих рука.

* * *

Растения с нимбами вокруг головы.
Я приносила зеленой травы
В наш бессолнечный дом –
Кошки жадно хватали ртом.

Весна! Зеленела даже душа,
Хмельные ветры текли.
Весной в лавке бога скупалась парча
Для нищей красы земли.

И насылались в ночи голубой
Чарами вечности высшей, иной
Синие сны, лиловые сны
Опаловой круглой луны.

НЕ МЫСЛИТСЯ ДОМОЙ

Не мыслится домой, когда земля отмокла
И грач дает концерт на ветке сольный свой.
Когда хозяйки все в квартирах моют стекла –
Не мыслится домой!

Когда в степи поля распахнуты как сердце,
Когда родная даль предстала вдруг как новь,
Чей беспризорный вид – лишь смех для иноверца,
Ну а для горьких нас – надежда и любовь.

Нам, уцелевшим, здесь шагать цветными днями,
Неважно, сколько жить – все повторится вновь!
И первых васильков синеющее пламя –
И жизни, и степи извечный кровный зов.

* * *

Влечет, влечет к озерам и лесам,
К листкам травы в росинках-жемчужинках.
Голубоватость вод так льнет к глазам
И снится к ним зеленая тропинка!

Века провести под деревом русалок,
Что плещется ветвистым серебром –
Там нет ни скорбных губ, ни глаз усталых,
Там жизнь покажется больным и жалким сном.

Туда! Туда! Где розовы закаты
И терпки, как мускатное вино,
Где ландыш ладанный во мху зеленоватый,

Где след лосиный, небо необъятно –
Тропинкой, по которой нет возврата,
С природой, как с собою, заодно.

* * *

Вспыхнул шиповник алый.
Забыла душа, что устала
И снова любить готова.
И музыки чудные крылья
Подхватят над бездной снова –
Отступает бессилье,
Гранится алмазное Слово.

ВУДИ АЛЛЕН

Жил фотограф – и теперь еще живет
Делать снимки дни и ночи напролет.

Вуди Аллен, погоди, Шапиро Стив
На тебя нацелил глаз свой – объектив.

Вуди Аллен, все проблемы вдальке!
Ты остался с муравьем на поводке.

Ты и сам всю жизнь на поводке,
Что у ангела-хранителя в руке.

Вуди Аллен, что мне до тебя?
Что до чепушинки – муравья?

Только ты и сам как муравей,
Оттого и снимок все мудрей.

Хоть порой не стоит и гроша,
Жизнь с тобой беззлобна и смешна.

Вот и улыбается душа.

ГОРОДСКОЙ ВОРОБЕЙ

Среди каменного царства – воробей
На газоне, будто в вотчине своей.

То головушкой крутнет, то подскакнет,
Жизнью битый и ледащий, а – живет!

Голод мучает, и дождь его сечет,
А он песенку задорно заведет.

Рядом с шинами, у смерти на краю
Прочирикает он весточку свою!

И любезнее, чем трели соловья
Эта песня удалого воробья!

* * *

Зачем я кличу голосом высоким,
Брожу в полях зеленых одиноко,
Среди озер и пышных тихих нив,
Бессильно крылья долу опустив?

Как будто потеряла дом и милых
Лишь нахожу безмолвные могилы,
Вернувшись из времен и стран далеких,
И затерялась меж землей и богом.

ПОД НЕБОМ ИТАЛИИ
(Из римского цикла)

* * *

Под небом Италии, небом лазурным,
Старинные фрески дохнут новизной...
Под небом Италии, древним и юным,
Встречаюсь с весной!

Ласкают мой слух незнакомые речи,
Как песни, звучат городов имена:
Неаполь и Рим, и Флоренции вечер,
Где плещет людская волна.

Я розы кладу на замшелые камни
Веков усыпальниц - и эху времен
Послушно внимаю: здесь в вечность ступали
Босые и звонкие ноги мадонн.

И разве не только что с тайной улыбкой,
Как смолкли последние колокола,
В багряном плаще в дымку сумерек зыбких
Одна из них мимо прошла?

ПРОВОДЫ

Собирался на войну.
Оставлял меня одну.
Возвращал под вечер мглистый
Бережь-перстень кипарисный,
Что дарила я ему.

Помня прошлые бои,
Где терял друзей своих,
Доставал оружие, чистил,
Проверял его на выстрел,
У ручья коня поил.

Собирался на войну
За несчастную страну.
Зря на рученьке висеть,
Падать под ноги, реветь —
Не удержишь в поле ветер,
Полюбилась больше смерть.

Не кручинился о том,
Что оставит с животом.

Целовал меня небрежно
И рукою гладил бережно
Вороненый ствол ружья.

Все гляжу на перстень я:
Женщине – растить дитя,
А мужчинам все пирушки,
Смерти страшные игрушки:
Минометы, ружья, пушки...

Он – свое, а я – свое
Да над полем воронье.

* * *

Л. Сытину

Какие миру явлены страницы
Из хроник жизней, прожитых давно,
Характеры какие, судьбы, лица
Земли сокрыло черное рядно!

Они к нам прорываются из тлена
То снимками, то строчками газет
И силой правды – силой неизменной,
Перечеркнув забвенью иль навет.

Жизнь коротка – и потому бесстрашна.
И все, что сделать в ней успел, как след,
Как весть о нас и о горенье нашем
В случайных снимках, строчках из газет.

* * *

Не маршалы, не генералы
Пред тем, как в мир иной уйти,
Солдаты пишут мемуары,
Чтоб правду людям донести.

За торопливою строкою
Порой такое просквозит,
Что лист застонет под рукою,
А подвиг сердце озарит.

И встанут в полный рост разлуки
По всей стране, по всей стране!
Слезу смахнет железный Жуков
На белом праздничном коне.

НА ЛЯХОВСКОМ ПЕРЕЕЗДЕ. 1965 г.

На переезде старухи молились.
«Что-то случилось? Погиб кто? Постой:
Юрий Гагарин? Народный любимец!
Юрий Гагарин – народный герой...»

В темном рассвете стояли и пели
Строго и скорбно прощанья слова.
Позамирали вокруг сосны и ели,
Низко клонилась моя голова.

Помнить мне, помнить вас, матери русские!
Как одадь церкви забитой стоят
Не по приказу – по сердцу старухи
В черном справляют свой древний обряд.

И показалась мне наша глубинка,
Тот за вагонным окном переезд,
Центром Земли, где старухи-богини,
И не про них был на веру запрет.

Жили, живут по обычьям старинным
И вековечным в российской судьбе:
Празднуют или горюют в глубинках –
Власть по себе, а народ по себе.

Но не забыто за трудными вехами:
Первыми космос освоили мы.
И перед взлетом словечко: «Поехали!»
И ликование великой страны.

Так и живет среди нас его имя
Вместе с улыбкой его озорной.
Юрий Гагарин – народный любимец!
Юрий Гагарин – народный герой!

* * *

Я приду к соловецкому камню,
В небо хмурое погляжу.
За Ахматову, за Цветаеву
Свой октябрьский букет положу.

А за ним море свечек колышется,
Как народ – за волной волна.
Над слепой Лубянкою слышатся
Имена, имена, имена.

ПРОЩАНИЕ 1937-го г.

Н. Щербининой

Она была в клетчатой юбке,
Чтоб сразу увидеть смог.
Встала среди дороги,
Где путь заключенных пролег.

«Без права на переписку
Десять лагерных лет...»
Она еще не понимала,
Что это – в живых его нет.

Он шагал под конвоем,
Он уже знал о том.
Узнал ее в мутном рассвете
И руки сложил крестом...
И руки сложил крестом...

СКАЗКА О НУЛЕВОМ ВРЕМЕНИ

Ни о чем не споря,
Будто вихрь надул,
На родном просторе
Выщелкнулся нуль.

Покатился, братцы,
Точь-в-точь колобок.
Только не ухватишь
За пустой бочок.

Мягко, без усилий –
Наплевать ему! –

Покатился, милый,
Все сводить к нулю.

Согнан принц нейтронный
С ядерным бичом.
Круглый, без короны
Нуль воссел на трон.

Нулевое время.
Трезвый – ногу в стремя:
Мат и шах! –
Нулевое время
Без стрелок на часах.

СКАЗКА О ТОРГАХ

На Москве и по всей неоглядной России
Непонятные толпы стоят.
И подходит Иван: «Что стоите, родные?» -
«А, нечистому душу продать!»

«И почему? За зеленые эти бумажки
Иль негордые наши рубли?» -
«Проходи! Ничего нам не страшно:
Хоть за ихние, хоть за свои».

Но стремительно толпы народа редеют,
То один, то другой отойдет.
Этот с руганью, эти, как маки, краснея.
Пожимают плечьями: «Не берет!»

Продувают насквозь их промозглые ветры
И уж виден клеенчатый стол.
А за ним – его наглые черти-агенты,
Всех толкают взащей: «Ну пошел!»

И уже подбегает по-свойски к Ивану
Черный-черный премерзкий мужик.
Бьет его по плечу и пустому карману,
И к груди головою приник:

«До чего же тяжелое выдалось время –
Все меня провести норовят.
До чего ж для меня неподъемное бремя –
Переполненный душами ад!

Ну братва! Без души они будут как куклы,
А они не горюют ничуть.
Вон, трудяги мои смотрят каждую в лупу –
И назад души им отдают.

Нынче надобно мне только чистую душу,
А ее поискать, гой еси!
А такую найдешь, так еще не укупишь.
Вот такие дела на Руси.

Не сломил вас ни Гитлер, ни Сталин, ни голод,
Ни расстрелы и ни лагеря.
Вас, потомков героев, взял запросто доллар,
Победил почем зря!

То-то прежде искал и с пятном еле-еле
Находил среди вас, уж прости...»
Вот какие дела в сем бескрайнем пределе.
Вот какие дела на Руси.

ПЛАЧ ПО ПРАВДЕ

Под церквями проходят люди.
Тихие-тихие колокола.
Покорность судьбе, обреченность в буднях.
Передают друг другу, как в день Судный:
«Правда ушла....»

Тихие-тихие лица, как собрались на вынос
Или на собственные похорона.
Бедно одетые, в темном, на улицы вышли:
Богачи во дворцах, голытьба одна.

Правда ушла, потому что была не нужна.
И детей увела...
Ой, что будет! Дома опустели, померкли.
Осели по-бабьи, как старушонки, сгорбились церкви.
И фонари серые, как луна.

Пеките высокие хлебы!
Ставьте на них солонки!
Ступайте на перекрестки!
Вставайте по черным дорогам, где битых бутылок
стекло!
Кланяйтесь хлебом-солью, в ноженьки бейте поклоны,
Покуда на покаянье время не истекло.

Просите ее вернуться, зовите слезно назад,
Да ей в глаза посмотрите – посмотрите в глаза!

КОРАБЛИ

Мне не забыть, как огоньки качаются
В родном порту в предутренный туман,

А моряки с любимыми прощаются
И корабли уходят в океан.

Они плывут, трубя как птицы белые,
И тяжело скрываются вдаль,
И тянутся за ними волны пенные,
Как бы печаль оставленной земли.

Покрылись сопки легкой алой дымкой,
Верхушки лиственниц зажгла заря.
В каком краю с тоской неизлечимой
Те корабли закинут якоря?

Встречали грудью грозы, волю праздную,
Пиратские засады, вой ветров.
Борта кренились с грузами опасными
Средь желтых ожерелий островов.

Они-то помнят, как фортуна ветрена,
Как выживают через «не могу».
Им надо знать, что ждут всегда их женщины
На голубом туманном берегу.

РОМАНС О НЕСПЕТОЙ КОЛЫБЕЛЬНОЙ

В бараке ноченькой беззвездной
Святое таинство свершалось:
У молодой, черноволосой
Дитя невинное рождалось.

Три женщины из стран Востока,
Три узницы ей помогали.
Три старые дитя со вздохом
Марии бережно подали.

Зачем, зачем, сыночек милый,
Ты на мученья родился?
Зачем, зачем, сыночек милый,
На свет злосчастный появился?

Одна дала свою кофтенку,
В нее дитя и положили.
Вторая – с тела рубашонку.
Платок – дар третьей – подстелили.

Всему бы миру показала
Она сыночка-ангелочка!
О как лицо ее сияло,
Лицо сияло этой ночью.

В глаза бессонного барака
Весь в инее сребрился угол,
Где мать и сын навек друг с другом...
И он взял грудь, а сам заплакал.

Она хотела – не сумела
Спеть песню, что поют младенцам.
Она хотела – не успела,
Пришли они – с железным сердцем.

Все б целовала эти кудри!
Они пришли – и в печь погнали.
Три скорбных женщины тем утром
Как изваяния стояли...

Она несла дитя, и руки
Дитя от стужи укрывали.
И две кровавые слезинки
На темном лике застывали...

Прислушайтесь: одетый пеплом,
Звучит напев над всей планетой
Той колыбельной, той неспетой –
Одна любовь в напеве этом!

БАЛЛАДА О ВОЛОДЕ КАШИРОВЕ

«Хмарь, чужие хребты Афгана
И до дембеля – десять дней.
БТР подорвался, мама,
Я в руках своих палачей.

Дембеля проезжали мимо,
А к тебе – беда на порог.
Ты ждала, только вместо сына
Получила запаянный гроб.

В это время в проклятом Панджшере
Искалеченный я лежал:
Низкий, каменный свод пещеры
И охранников злобный оскал.

Рисовал иностранный доктор
Для тебя на листке мой портрет.
От камней закрыться не смог я,
Не рыдай же, что глаза нет.

И не раз сбежать я пытался –
Без ноги далеко не уйти.
Я надеждой живу, не сдался,
Черный ты сними полushалок,
Отыщи меня, чтоб спасти».

В черном траурном полушалке,
Сердце – выгоревший пожар –
Мать ходила гадать к гадалке –
Карты выпали на удар.

«Видишь, встало большое горе
Над его несчастной судьбой?»
Заходило сердце как море:
Он живой, он еще живой!

Мать скорей сняла полушалок
Да забросила прочь в кусты!
Вправду новость в дверь постучалась:
Он в плену, вот его черты...

Кинет взор на чужие горы,
Кинет взор по родной стране –
И бредет мать пустынями горя,
Ищет сына как в жутком сне.

КАК ЕСТЬ

Ни при каких ролях –
Как есть, так и стою
На людных площадях.
Как есть, так и пою.

Ни при каких чинах –
Куда поставил Бог.
Ни при каких ролях –
К чему приставил Бог.

Как есть, так и пою –
За совесть, не за страх.
Всю жизнь в очередях
За счастьем я стою.

* * *

В моей разыгранной судьбе
Все было по сюжету:
Вослед успеху быть беде -
Какой беде при этом!

Все это сокрушало грудь
И сердце рассекало.
Герои гибли на бегу,
Я пепел собирала.

А я сама...
И хор – в запев,
Как по указке верхней,
Незримый, и по типу древ-
Негреческих трагедий.

И вы, бессмертные глаза
Моих ночных бессонниц,
И сов-вещуний голоса,
И голубое солнце.

* * *

Пусть все они живут: преступники и судьи,
Иуды, преданные ль под святым лучом.
Живое пусть живет – от смерти не убудет.
Господь рассудит всех. Мы только чернозем.

Тираны и вожди – все только глина божья.
Один ногой на трон – уже грядет другой!
Элову струну ничто не потревожит,
Покуда не коснется бог рукой.

И вновь цветут поля, зеленый пламень в долах,
И земляника всходит на крови
Кладбищенских могил, а жавронок над школой
Звенит о непостигнутой любви.

* * *

Кто видел ангелов, тот светится и сам,
Но не своим, а отраженным светом.
Природа видела! – Листва и птичий гам
Нам повествуют радостно об этом.

И плавный взлет к приветным небесам,
И щедрое на свет и краски лето,
И шелк травы, струящийся к ногам,
Нам повествуют радостно об этом.

У каждого из нас заступник есть
И у былинки каждой есть свой ангел.
И все торжественней несется птичья песнь
Над реками, над пашнями, лугами.

Не подведи. Сверяй свой путь с природой,
А сердце раствори в ликующей любви
Хотя б на день, на час...
Как пред последним взлетом,
И младших не губи, и бога не гневи.

* * *

И серебристость трав, и пение деревьев,
Как тайная струна, души родной черты.
Существованием ход времени измерив,
Все мыслит и живет, и все пройдет, как ты!

И златотканый свод, тяжелые светила,
Движение вод, строенье облаков –
Все говорит о том, что до тебя все было,
И все меняется на глубине основ,
Как сны веков...

И страшно далеко, иль близко так до Бога,
Когда в тоске выходишь на простор.
Вазыскующий твой голос одинокий
Перерастает в мирозданья хор.

ЖИЛИ МЫ БЫЛИ

Буйного ветра упругие крылья,
Ржанье коня и картошка в золе –
Все это сказка о том, что мы были,
Жили с тобою на грешной земле.

Жили мы были... ватагой ходили
По морю, по Волге торгом-путем.
Ворога били, отчизну любили,
Здесь же и ляжем в родной чернозем.

Ветры гуляли и пули лупили
В горькой, разрушенной напрочь стране:
То гимнастерка, пропахшая пылью,
То голубая тельняшка в окне.

Жили мы были... кресты восходили...
След наш укажет на милой земле
То, что оставили, роду хранили:
Светлый огонь в индевеющей мгле.

* * *

«О Русская земля! Ты уже за холмами».
«Слова о полку Игореве».

Отошла в золотые пределы
Осень – песня и сказка моя.
Ветер свищет в полях оголтело
И прозрачны пустые поля.

Я смотрю на простые картины,
От которых волнуется грудь.
Отрыдала душа журавлино
И за птицами тянется в путь.

Словно бы над полями, лесами,
Над холмом, на котором мой дом,
И над волжскими берегами,
Машет белым и сильным крылом.

Что нам надо, рассеянным всюду?
Ищем что на крутом вираже?
Без любви и надежды на чудо
Не прожить человеческой душе.

Для раздумий тишайших о родине –
И полыни сухой бубенцы,
И подсолнухи за огородами,
Васильков голубые венцы...

Обнимает пронзительно-русское,
Словно мамины руки во сне.
Зарождаются светлые чувства,
Как волна за волной в глубине.

ГОЛУБОЕ ДЕРЕВО

Снится мне Голубое Дерево,
Словно вылеплено из краски,
Словно вылеплено из снега
На холсте древнерусской зимы.
И на каждой ветке по зверьке,
А вверху сновиденья и сказки,
Воздух полн поцелуев предков,
Проступающих милых лиц.
А под Деревом Снегирь-птица
Все клюет белоярые зерна
И там, где она садится,
Вспыхнет Дерево, озарится.
Пройдет молодец – улыбнется,
К сердцу рученькой прикоснется,
Пройдет девица – так поклонится
И привяжет коня лучистого
Серебристый витязь Зимы.

РЯБИНА

Стоит рябина: из-под крыла – заря!
Манит рябина, вся золотом горя!
Как бы жар-птица на деревце сидит:
Глаза-рубины, а перья – симбирцит.
Коль зла судьбина, тепла и жизни нет,
Приди к рябине – и будешь обогрет.
Не чудо, что ли, - чем больше стужи власть,
Горчащих ягод сильнее и ярче сласть!
Она как сердце по веткам гонит кровь –
Стоит рябина и дарит всем любовь.
Приду , на ветку ей руку положу,

Печаль и радость свои ей расскажу.
Горит рябина всегда в душе моей
И так любима она Россией всей!
Горит-не сгорает, рябина стоит,
Такая родная, что сердце навзрыд.
Стоит Россия – из-под крыла заря!
Стоит рябина, вся золотом горя!

* * *

Стужа. Вихрь. Среднерусья раздолье.
Как гитара лежит в снегу –
Слышу музыку белой воли.

На берез берестяном шелку
Вижу клинописи под солью
Лет и слез –
Прочесть не могу.

Но и всем существом откликаюсь,
Изначальными генами знаю:
Это Русь звучит!
Пишет Русь!

Из высокой и горькой доли,
Из лихих столетних юдолей,
Злые слезы гася любовью...

Над иконным ее лицом
Серафим с золотым венцом.

* * *

Я крепко сплю.
Мне снится вещий сон.
Мне снится чудный сон России!
Все хорошо.
И колокольный звон
На воздухе сладимом,
Льдяно-синем.

Ни ворога. Ни вести злой.
Не встать.
И не будите,
Не мешайте спать.
...А небеса разверзлись зоревые.
Нисходит на Россию
Благодать
За все ее мучения земные.

* * *

И туман, и дождики грибные,
И потоки неба голубые.
Над моей любимой деревней -
Несказанный тихий свет вечерний.

Мягко стелют золотые тени,
Окунаясь нежно в мрак осенний
Все березки, клены, все осины,
Все пейзажи родины любимой.

Все воюют парни молодые,
Все тоска гуляет по России,
Разлеглась бурьянным Гуляй-полем,
Все мужик грустит по лучшей доле.

Ой да колокольчики играют, -
Все Есенин ходит, обнимает
Тут кресты рябин, берез бересту,
Русь-Христа целует и рыдает –

«Я умру, на третий день воскресну».

* * *

Я землю целую и плачу,
Я в гневные роги трублю!
Как столпник на камне горячем
Святых за Россию молю.

И как не радеть и не плакать,
Когда с деревца иль куста
Листвы предноябрьской накропы
Краснеют как язвы Христа.

И как же за Русь не молиться,
Как землю не целовать,
Когда в эту землю ложиться,
Любимых в нее провожать.

ГРИБОЕДОВ

1.

В грузинском соборе Сиони
Красивая свадьба была.
Жених был российский посланник,
Невеста едва расцвела.

Высокие слышали своды
Торжественной службы слова.
Горели венчальные свечи,
Кружилась слегка голова.

Случается перед ненастьем –
Все светлые дни напролет!
Такого безбрежного счастья
Надолго судьба не дает.

Печалились добрые лики
Старинных и мудрых икон,
И плакали старцы-калики,
Что бедный жених обречен.

Всю жизнь ей быть верной и чистой,
Вся памяти жизнь отдана.
Она черной розой Тифлиса
За траур навек прозвана.

2. БАЛЛАДА О ШАХСКОМ АЛМАЗЕ

Он заключил для персов тяжкий мир.
Войны ужасной кончились разгулы,
Он был поэт, а не двора кумир,
И горе от ума ему мигнуло.

И русский царь опять давал наказ:
Мчи в Тегеран, там снова беспорядки,
И будь всегда жестоким, как алмаз,
Не поддавайся на мольбы и взятки.

Как будто знал, что там прольется кровь,
Он в Грузии на краткий срок остался.

Его ждала бессмертная любовь
И девушка, с которой обвенчался.

Запомнил он в Тифлисе белый дом
Наместника, - зари прощальной милость,
И руку Нины узкую с кольцом,
Что при венчанье с пальца покатилося.

Погиб, как воин, с саблею в руках,
Растрезан в Тегеране, сброшен в яму...
И шлют царю алмаз с названьем «Шах»,
Как откупной, из воплей Тегерана.

3. ИЗ ПОСЛЕДНЕГО ПИСЬМА

«Пиши мне чаще, ангел мой Ниноби,
Я для тебя чернильницу купил.
И все бы отдал, быть с тобою чтобы,
Да, отдал б все – разлука выше сил...»

А он уже лежит, лежит в гробу, -
С проклятьем на злосчастную судьбу,
А он уже покоится во гробе,
Супруг, что ей чернильницу купил
И сразу гравировку начертил:
«Пиши мне чаще, ангел мой Ниноби!»

4.

Плакал Пушкин на могиле Грибоедова,
Поднявшись на горную вершину,
Общую судьбину с ним провидел.
Оба Александры свет Сергеевичи,
У обоих юные невесты,

У обоих при венчанье кольца падали,
И женились пред концом короткой жизни,
Оба – вдохновенные поэты
И обоим быть им убиенными.

Плакал Пушкин, на коленях стоя,
Пред умнейшим из мужей России,
Сам – легенда,
Сам России гений.
Может быть, невольно сожалея,
Что его жена так не оплачет,
Что у Грибоедова есть ангел
В образе жены его прекрасной.

Плакал Пушкин, на коленях стоя.

5.

На горе, на горе высокой,
На горе Мтацминде далекой
Есть черный тяжелый камень.
Там под ним лежит Грибоедов,
Сам он выбрал себе эту гору,
Сам просил схоронить тут останки,
Если что-нибудь с ним случится.
Так по слову его и вышло.

На горе, на горе высокой,
Много лет стоит мрамор- камень,
А над ним из памятной бронзы,
Крест обхватив руками,
Все рыдает княжна молодая,
Жена золотая:
Зачем, ах, зачем, тебя, милый,
Любовь моя пережила?

На том камне, суровом камне,
Вечно блестят ее слезы,
Вечно не высыхают.
Под слезами любовь не меркнет.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО N-го ГОДА НА СРЕДНЕМ ВЕНЦЕ

Тучка, как роза, на щечке румяной зари.
Все легкомысленно, как поцелуй под «Агдамом» Адама,
Все размалевано, как на столе чашки и чайник,
Все беззаботно в воскресное утро июля,
Будто танцуют фокстрот или поет патефон
В коммунальной квартире после войны, разумеется,
Как леденцы из железной коробки с названием
«Ландрин»,
«Килька в томате», спрессованный грушевый чай
В яркой, нарядной обертке.
О, Марлен Дитрих, о, голос хрипящий Пиаф!
«В парке Чаир распускаются розы» и «Я
Убрала наш уголок цветами»...
Сосед наш, (танкист) щеголяет в немецком плаще
Кожаном черном (плащ будет потом на помойке),
Бабка крупповской стали ножом
Чистит леща, медалями внучек играет.
О, зажигалки в виде снарядов и пистолетов,
О, фильмы трофейные, о...
В подвале с названием клуб фронтовик
Учит мальчишек стрелять, и тянет надсадно махорку,
Желтые ветки акаций,
Запах жареной рыбы и «Красной Москвы»,
Глядятся и крепдешин, и шифон, и бостон,

Тучка, как роза, на щечке румяной зари .
Желтые волосы или лучи.
Дамы еще в папильотках.

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

Мне жаль духового оркестра,
Что в парке Победы играл
Под всплески веселого ветра,
Который по Волге гулял.

Военный в тарелки из меди
Торжественно так ударял,
Как будто пред ликом Победы
Оркестр в тихом парке стоял.

Как будто народной печали
Катилась, сияя, волна
От сопок Маньчжурии дальних,
И слушает их вся страна!

Так много с эпохой отпало
И даже той музыки нет.
Она-то кому помешала?
Остался лишь в памяти след.

Как птица к небесному хору
Тот вальс так свободно взлетал,
Под синим бескрайним простором
Один величаво рыдал.

И ПАДАЛ СНЕГ

В разгар морозов, в январе
У магазина
Стоял мужик, на всех смотрел,
Идущих мимо.

Лишь в пиджаке раскрытом он
На голом теле.
И в ночь ложился на бетон –
Мол, так теплее.

Шептал: « Ой, скоро я умру».
Синели губы.
Нигде беднягу не берут.
У ног – буханка на ветру,
И ветер – в трубы.

И я угрюмо подхожу,
Стерпеть ль такое?
- В психушку хочешь?
- Да, хочу!
- Иди за мною.

- А я уж думал, боже мой,
Что все, замерзну.
- Да все путем.
Хоть грудь прикрой!
И хрип туберкулезный!

- А как тебя зовут, мой свет,
Чтоб за тебя молиться?
- Светланой.
А молиться... нет...

И падал, падал снег
На наши лица.

По самой лучшей из земель
Вперед, без страха!
Он шел за мной, и вслед метель
Играла Баха.

КОТЕНОК

Он пушистый, он рыженький,
Он уселся в трубе.
Он, на улицу выброшенный,
Горевал о судьбе.

И, зачувяв прощание,
Плакал, плакал всю ночь.
Крик души, крик отчаяния
Было слышать невмочь.

А наутро не спрячешься.
Торжествующе-зла,
Вышла баба-палачиха,
Ядом вокруг обнесла.

Он устал бегать, маяться,
Лег – и мордкою в яд...
А Самойлов сказал:
«Маленьких
Обижать нельзя!»

И шепнула мне девочка:
«Перед дверями в ад
Кошки стаей сидят,

И за все, что тут сделала,
Кошки ей отомстят...»

Ждут, клыками оскалея
И когтями грозя,
Потому что
маленьких
Обижать нельзя!

В ЭКСПЕДИЦИИ

Еле слышно скрипя половицей,
Мы прошли ранним утром в избу
Попросить у хозяев водицы.
Там лежал лейтенантик в гробу.

Перед Спасом горела лампадка
И сидела несчастная мать,
Нежно глядя сыновнюю прядку...
Молча вышли, чтоб ей не мешать.

Молча вышли и молча к сельмагу
Мы направили дружно стопы...
И желтели цветы над оврагом,
Ликовали, не зная беды.

Размышляя о жизни короткой
С черной лентой писанья на лбу,
Пили зло и размашисто водку,
Громко кляли войну и судьбу.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ах, на землю пал нынче первый снег!
Как на сорок верст, как на сорок рек.
За листвою вдогон звезды белые,
Через час они стали серые.

Как солдатские рубахи позастиранные,
С пулевыми позапекшимися дырами.
Клен приподнял ветвь – гнутый канделябр
Для помин-свечи. Начался октябрь.

Через сорок дней ляжет прочный снег
Как на сорок верст, как на сорок рек.
Спеленует даль белым саваном
С деревушками, с переправами.

А пока домой все гробы идут,
Молодых ребят на покой везут,
На приют-покой, в навсегда-покой,
Не гадали им долюшки такой.

По госпиталям все везут калек –
Хватит снега им на их краткий век.
Задубела кровь сверх повязочек,
Нагляделися страшных сказочек.

У рябин-калин прочернел кармин,
Не придет домой чей-то брат иль сын.
Через сорок ден – снежный ветра стон,
Оплыла свеча с четырех сторон.

ОСЕНЬ В БРЯНДИНО

1. ГАВРИИЛ МЕЛЕКЕССКИЙ

Въедешь в засосненный город,
Радуясь каждой сосне, -
Видишь портрет чудотворца
Здесь на высокой стене.

Здравствуй, родной, стародавний,
Синькой очерченный град!
Утренний луч красит ставни,
Белый торговый ряд.

Атомный старый реактор
Тут же, увы, стоит...
Кажется, ходит он рядом,
Божий архимандрит.

Словно не днем вчерашним,
Всех нечестивцев простив,
Принял от них с ядом чашу –
С тихой молитвой жив.

Взглядом любовным округу –
Охраной своей обвел.
Люди добреют друг к другу, -
Будто подснежник расцвел.

Блесткий, как санок полозья,
Заняли лед рыбаки.
Над Черемшаном березки
Клонятся ветром, легки.

Из-за церковной ограды
Молится здесь что есть сил
О благоденствии града
Архимандрит Гавриил.

2. ХОР ПОЕТ

О это ангельское пенье
И вдохновенность юных лиц!
И я в душе творю вечерю
Под мягким трепетом ресниц.

Во всем поверю им, внимая,
Девчонкам в классе выпускном.
Я знаю жизнь, и смерть я знаю,
Но не о том я, а о том,

Что все мы грешны и невинны,
И жизнь дана как краткий срок.
Пройти ее до середины –
А там всех дел твоих итог...

И сердце нежно замирает
И видит там, где ночь цветет,
Как зыбку мать моя качает,
Мне колыбельную поет...

3.

А как ближе к родному пределу,
Взликовала, как в детстве, душа,
И о родине сердце запело, -
Ах, как песня была хороша!

Ноября предвечерняя жалость
И созревших рябин тихих дрожь.
Русь и плакала, Русь и смеялась
В этом голосе, бьющем как нож!

И поет, и поет Сапогова –
Плоть от плоти родимой земли,
Кудеяра-разбойника снова –
Подпевают захлеб Жигули.

Все вокруг забирая в объятия,
Наплевав на почет и гроши,
Страстный голос поет о причастье
К вечной щедрости русской души.

4. АРОМАТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Дивной осени поздней картины
Друг за другом плывут в синеву.
...Выйти бы тут из машины,
Лечь, раскинувши руки, в траву
И лежать, не идти никуда,
Слиться с милой землей навсегда!
Тут, где дали в глазах – каруселью,
Тут, где роща - червонным костром,
Тут, где пахнет душистою прелью,
Черноземом и белым грибом.

5. ЯЙЦО ФАБЕРЖЕ

Н.И. Васильевой

Жил среди нас мастер тонких работ –
Миниатюр на слоновой кости.

Всеми забытый, как сказка речет,
Зуев давно лежит на погосте.
Гляну на труд такой красоты –
Родины милой узрею черты.

Сказка ведет: разок показали
Эти труды Николаю Второму.
Зуева тотчас в столицу забрали,
Стал он художником царского дома.
Гляну на труд такой красоты –
Родины милой узрею черты.

В цвете и блеске, в злате и серебре,
На хрустале, на фарфоре и дереве
Миниатюры живые сияли
И за границу их продавали.
Гляну на труд такой красоты –
Родины милой узрею черты.

Но революции вихри кровавые
Русь разнесли, как вещицы те славные,
Русь развели на два яростных лагеря,
Музы по бедному мастеру плакали.
Гляну на труд такой красоты –
Родины милой узрею черты.

Слава те, Господи, вышел живым
После отсидки, в разруху и дым,
Стал нелюдим, возвратился домой,
Миниатюры с тех пор – ни одной.
Гляну на труд такой красоты –
Родины милой узрею черты.

Новые люди и нынешний век.
Но появился в селе человек,

Много о Зуеве нам толковал,
След его жизни в отчизне искал.
Гляну на труд такой красоты –
Родины милой узрею черты.

Ветхий домишко его мы нашли,
Нынче цыгане в нем быт завели...
Сказка ведет: гость в столицу позвал,
Там он яйцо Фаберже показал.
Гляну на труд такой красоты –
Родины милой узрею черты.

Были на глади нанесены
Главные вехи царской семьи. -
Зуев сработал. Чуда полет!
Красен талантом русский народ!
Гляну на труд такой красоты –
Родины милой узрею черты.

6. КАЛАЧЕВ

Собирался люд на праздник,
Потревожив сон отцов.
Приезжал с гармошкой русской
Самоучка Калачев.

Ту отцовскую гармошку
От гражданской он хранит.
Уходил отец на битву –
Плакала она навзрыд.

«У меня тут остается
Трое крепких сыновей.
Хоть один да заиграет
На гармошечке моей!»

И пропал солдат без вести.
Не найти давно концов.
И играет на гармошке
Постаревший Калачев.

Только клавиши затронет,
Станет «Барыню» играть –
Выйдут бабоньки плясать,
Дробь ногами выбивать!

И отец как будто рядом,
И Россия вся в пике
На изящном, на французском
Деревенском каблучке!

7. ОСЕНЬ В БРЯНДИНО

Лоскутным одеялом старины
Лежит листва, и зеленеет озимь.
А все леса нарядны и цветны –
Ах, осень в Бряндино! Ах, сказочная осень!

Деревья о былом ветрам шумят,
Их век длинней, чем наш, когда не срубят...
Рябиновые свечечки горят,
И лес как храм, в котором служат службу.

По тем, кто в мире с миром жить учил,
Кто в испытаньях вместе был с народом
И кто за веру пулю получил...
Листва звенит, как будто меж могил
Здесь Александр Бряндинский проходит.

И Мелекесский Гавриил спешит,
Чтоб вместе помолиться за Россию.
И словно медный колокол звучит,
Взмывая в высь, где тучи дождевые!

Как прежде, кто убит за веру, свят.
Как прежде, церкви поджидают Бога.
Как прежде, Русь несчастна и убога,
Но только здесь так купола златят!

Деревья в эти ласковые дни,
Склоняясь над промокшею дорогой
Поют псалмы, скорбят о всех они,
Кто светом стал за отческим порогом.

И как окинешь весь земной простор
Сквозь пелену слезы и жизни серость -
Вдруг пред тобой – их добрый чистый взор
И для людей распахнутое сердце!

Не нарушай звучанья тишины,
Гуляя тут средь золотых заносов,
Где Красноречье видит эти сны,
Прислушиваясь, вдумываясь в осень...

ЗЛАТОЕ ЯБЛОКО

Мы прошли до Выборга –
Все сапожки выбили.
Сели на завалинку,
Понадели валенки.

Таборга-матаборга,
Разгулялись надолго!

По Сибири-матушке,
По Уралу – батюшке,
Все под зорькой ясною
Русь лежит, как яблоко.

Таборга-матаборга,
На морозе яблоко!

Мы прошли по Ладоге,
Уссурийском, Ангарой,
Белым Мурманом, Невой –
Каторгами, трактами.

Таборга-матаборга,
Русь – золотое яблоко!

Сахалином аховым,
До Аляски и Москвы,
Моря Черного, Оки –
Возвернулись на Волгу.

Таборга -матаборга,
Русь – золотое яблоко!

Намело сугробины,
Скрыло все колдобины,
Сбило слезы ярые,
Расцелуем яблоко,

Таборга-матаборга,
На морозе яблоко!

С кручами высокими
Краше нету Волгоньки,
Слаще нету родины,
Родины-смородины!

Таборга-матаборга,
Над душою - радуга!

ДЫХАНИЕ ЗЕМЛИ

Поднимешься рано,
С началом рассвета,
И выйдешь –
И слышишь, как дышит земля.
Играет палитрой цветущее лето,
Легонько шумят всей листвой тополя.

Еще не проснулась.
И в явь не вернули.
Раскинулась,
Дышит истомно во сне!
Травинки к груди ее
Нежно прильнули,
Березки склонились, качаясь, над ней.

Она так устала
От войн и страданий,
Разрывов снарядов, ударов от бомб
И полигонов для испытаний,
И городов, где с Гоморрой Содом!

Она задыхалась
От плазменной пыли,
Удушливых газов, отходов АЭС ...

Травили и жгли,
В мертвых водах топили –
Ей хочется леса, ей хочется в лес!

Жестокие дети,
А что будет с нами?
Мы рубим тот сук,
На котором сидим.
И вот в наказание несутся цунами,
И недра разверзлись, и в безднах горим...

Во сне себя лечит,
Себя очищает:
Струится из недр ток таинственных сил,
И вновь пепелища и раны скрывая,
Встает Иван-чай, алый цвет распустил...

Ну вот и проснулась,
Ну вот улыбнулась
В лазурное небо на солнечный диск.
Прекрасной богиней к нему потянулась -
И дальше живем!
И вся жизнь впереди!

И стадо выводит пастух, напевая...
Дорогой Камазы еще не пылят...
И дети за партой выводят, стараясь,
Такое простое, родное: Зем-ля.

* * *

Вышли вдвоем на лесную опушку
Архангелы Михаил, Гавриил.
Земля оплела их копыта вьюнками,
Благословляя забывшихся их.

Чистое небо, желтое солнце,
Лютики – капельками янтаря.
Впервые им не хотелось на небо.

А травинки, к земле припав,
Робко зелеными ушками слушают
Великой небесной битвы
Замирающий гул.

ЧТО НУЖНО

Что нужно путнику? –
Ночлег,
И хлебушка с водой.
Да чтобы встречный человек
Не стал ему бедой.

А что влюбленному? –
Мечтать
Под плеск сердечных струй
О ней – с желанных губ сорвать,
Как розу, поцелуй!

Что нужно пахарю? –
Хлебов,
Чтоб встали в полный рост,
И чтоб была к труду любовь,
Земля в цвету – до звезд!

Что нужно воину? –
Покой
Границ, где враг разбит.
А коли в бой, чтоб друг с тобой,
Молитва, что хранит.

Что нужно всем? –
Родимый дом,
Детей веселый смех.
И мир, как солнышко, для всех,
И ангел за плечом.

* * *

Постой, когда-то это было:
Снег в разноцветной мишуре
И я, притихшая, с любимым
Всходила в город на горе.

Все громогласнее, все краше
Салютов праздничных каскад.
И профиль Эйфелевой башни
Из электрических гирлянд.

Смолистый дух пушистых веток
И роза в синем кувшине.
С реки – серебряные ветры
И краешек луны в окне.

Но нет той чудотворной силы,
Чтоб разбудить колокола,
Да чтоб она тебя, мой милый,
В мой город снова привела.

ЖЕНЩИНЫ ТЮТЧЕВА

Прекрасных женщин имена
В судьбе, как года времена.

Весна Амалией звалась.
Элеонорой – лето.
И все в них радовало глаз,
Бурлила кровь поэта.

А осень имя принесла
Такое – Эрнестина.
Она отрадою пришла,
Как полдня луч в долины.

Зима Еленою была.
Зима была Еленой.
Сиянье...Снежная зола...
Мольбы любви последней.

СТАРИННАЯ ПОВЕСТЬ

*Эта дивная светлая повесть
Бриллиантом в короне горит
Нашей славы российской и боли,
И она о любви говорит.*

России день вчерашний
С красавицей в окне.
Кавалергард Ивашев
На удалом коне.

Кто мчится в даль бесстрашно? –
Сей декабристов друг
И адъютант Ивашев -
В штаб к Пестелю на юг!

Вот в черном ореоле
Возвышенный мятеж,

Сибирь, позор средь боли
Несбывшихся надежд.

И что тогда бы было,
Когда б в потоке фраз,
Пустых, балов унылых,
Души огонь погас?

И что бы с жизнью было,
Коль не пошли б к венцу
С приехавшей Камиллой,
Красавицей Камиллой,
Камиллой Ле Дантю!

* * *

В это лето мне – черный платок,
Черный памятный камень.
За рядами плит, за рядами
Восковой иль бумажный цветок,
Васильковых свечей синих пламя
В поле, где за скрещеньем путей
Полегли, сбросив бремя,
Перешедшие грань скорбей
Для иных измерений.

25 июля 2014

КЛЕВЕРКИ

Как жалко,
Что прощания печать
Лежит на всем –
И сердцу вопреки!
Как жалко,

Что придется покидать
Хотя бы эти клеверки,
Когда они касаются руки...

МИЛОСЕРДЬЕ

Звонок пыл синего неба.
Облаков цветных благолепье.
Города, деревушки, лица
И – леса... И – поля, поля...
Так – раскинулась плащаницей,
Шитой ангелами земля!

Дикий ветер века свирепо
Завывает, ее деля
На счастливых и на несчастных,
На богатых, бедных, безвластных,
Добрых, злых, здоровых, хворобых,
Честно вкальывающих до гроба,
Уповающих зря.

Воет ветер уранового века:
Милосердье дороже хлеба...

УСИЛИЕ

Если ты, как раненный бог,
Упадешь и лежишь обессиленный,
И твой мир без тебя тоже плох,
Надо сделать усилие.

Чтоб подняться и снова начать
Создавать себя и вселенные,
Несмотря на мать-перемать
И на вечное, и на тленное.

Чтобы встать над бедой,
Как над черной водой,
Чтобы расправить крылья,
Надо сделать усилие.

ПЕРО

Нашла волнистое перо
В покрытом листьями кювете,
В грязи засохшей и в пыли,

А все ж прекрасно и бело -
Такое в кудрях Натали
На молодом ее портрете.

Оно, залетное перо,
Напомнило о лесе, лете
И о призвании поэта:
Жить в слове и творить добро.

РЕМБРАНДТ

1. ПОРТРЕТ САСКИИ

Волос рыжеющая пена
И синь ресниц.
Неся ребенка, по ступенькам
Ступает вниз.

И вьется лесенка витая –
Свеча в конце,
Как жизнь, что быстро догорает,
Как свет в лице.

Сорочка длинная ночная,
И у груди -
Сыновья прядка золотая –
Не разбуди!

Пусть ничего еще не знает,
Что впереди...
И тьма обоих обступает...
О, погоди!

И траурным углем – нет чище,
Нежнее нет,
Плюс кровью сердца
Рембрандт пишет
Ее портрет.

2. АВТОПОРТРЕТЫ

С Саскией любимой на коленях
Он судьбу ликуя принимал!
Это позже мрак и светотени
Из углов художник высекал.

Разложив на пол автопортреты,
Он следил за жизнями лица
И дивился измененьям этим,
Перевоплощеньям без конца!

Вызнал что, всю славу и богатство
Обвенчав с хулой и нищетой? –
За трудом, потерями, мытарством
Тайну навсегда унес с собой.

Мрак ветвится и лицо дробится,
И беззвучна темная вода.
Но улыбка странно золотится,
Как вначале – жутко молода!

3. В ДОЛГАХ КАК В ШЕЛКАХ

Хендрикье бежит по улице:
Распродажа началась!
Милый Рембрандт обанкротился, -
Имя, втопанное в грязь.
Откровенья и пророчества
Стали людям не нужны.
Пасторалей гладких хочется,
Где пастушки и пажи.

Сердце бедное колотится,
Юбка хлещет по ногам...
В век семнадцатый торопится
Славный город Амстердам.
От каналов веет холодом,
И нужды невпроворот...
Гению ведь лучше пишется,
Если хуже он живет!

4. АУКЦИОН

Был художник, другим не чета:
Сегерс, дар богоданный.
Довели нищета и тщета
Да ночные туманы.

Бойкий голос пускал с молотка
Рухлядь, ложки да чашки.

И листок, где летяще рука
Набросала пейзажик.

Бойкий голос кричал: «Господа!
Это Сегерс в запое!
Романтична таланта судьба:
Он покончил с собою!»

Рембрандт вышел и шляпу - на стол .
Бывший в холе и славе,
А сегодня – залатан камзол -
Рембрандт цену набавил.

Нищий Рембрандт по рынку бродил.
Горько думал, что делать?
Гневный гений рисунок купил
На последние деньги.

5. ОФОРТ «ТРИ ДЕРЕВА».

Три дерева он рисовал.
И первое – повыше,
Последнее – пониже.
Как будто судьбы заклинал,
Чтоб вместе выжить.

Стволы чернеют без листвы,
Они без света,
В узлах и кольцах горевых,
Одни на свете.

Себя, подругу рисовал,
Подростка-сына.
Их карандаш его вонзал
Среди пустыни.

Три дерева, а жизнь одна.
Чредой утраты.
Зачем для мук она дана,
Искусству платой?

Три дерева стремятся в высь.
Вглядись в искусство:
Три дерева, как обнялись,
Как в бурю за руки взялись,
С щемящим чувством.

6. ПОДПИСИ К КАРТИНАМ

1. Иуда возвращает серебряники

Иуда ползет под ногами,
Тревожные речи ведет,
И первосвященников в храме
Аж оторопь злая берет.

«Возьмите назад свои деньги –
Здесь все до единого, все.
Я черное дело содеял,
Я плачу сейчас о Христе.

Вот тридцать серебряников ваших –
Ах, как они жалко блестят!
Предатель, завистник вчерашний,
Я их возвращаю назад!»

И видит он: на косогоре
Снимают его со креста.
Народы рыдают от горя,
Хоронят его как Христа.

2. Отречение Петра

Не римских воинов мечи,
Мельканье факелов в ночи –
Взгляд уводимого Христа
Не на лицо – пятно лица
Того, кто встал уже спиной
И тенью стал еще одной.

Тень, ускользящая в темь,
Тень – в темь,
Коль жизнь - лица взамен.

Когда ты рыбу, Петр, ловил,
То был куда как смел!
Ты, Петр, - камень! Позабыл?
Как мертвый побелел.

И снова женщина кричит:
«Он тоже с ними был!»
- «Ошиблась женщина. Молчи».
Петр тихо говорит. -

«Ошиблась женщина в ночи». -
Лицо его дрожит.
Да не лицо – пятно лица
Отрекшегося от Христа.

3. Апостол Павел в темнице

Апостол Павел в темнице
Задумчивей всех сидит.
Он казни своей не страшится.
Он духом и телом чист.

Он, прежде Христа гонитель,
Слышал небесный глас:
«Что гонишь моих, воитель?»
И он Христа не предаст.

Апостол Павел в темнице
Итожит прошлую жизнь
И пишет раздумий страницы,
И пишет память души.

Что царь, что судьи земные?
Смотрит луна в окно.
Он, как все люди простые,
Истину понял давно.

4. Возвращение блудного сына

Возвращение блудного сына
Начинается с расставанья,
Начинается с расстоянья
И скитанья в горах и долинах.
Разрыва, непониманья,
Томительного ожиданья
Свечи в проеме оконном,
Тревожных ночей бессонных.
Молчаливых молитв сиротства
Под не согревающим солнцем,
Привыканья, что сына нет,
А есть дряхлость, болезни, смерть.
И все-таки упованья,
Терзанья и призыванья,
Медленного умиранья –
Все на анья, на анья, на анья...

До той ночи, как сын постучался
И дома ночью остался.

Возвращение блудного сына
Завершается кровохарканьем,
Скорбью невыносимой,
Пред отцом на колени паданьем,
Пониманьем, что близок конец
И что есть только отец,
Неизбывным глухим рыданьем,
Вырвавшимся признаньем:
«Я люблю тебя и – прости...»
Ответа: «Я тоже...»
Пыли в горсти,
Упавшей дырявой сандалиии
С правой ноги,
С такой мелкой детали –
Рук отца,
Что в седины сына легли.

БАЛЛАДА О БЛУДНОМ СЫНЕ

Уходишь, сын?
- Да. Ухожу.
Зачем? Ведь я старею.
- Твоею жизнью я живу –
Хочу – своею!

Никто нигде
Тебя не ждет.
Одно гнездо родное...
- Отец, я все сказал.
И зря
Мешать не стоит.

Тогда в котомку положи
Наш хлеб и воду,
Что сами понесут себя
Под чуждым небосводом.

Поди ко мне, благословлю.
- Уже не надо.
И хлопнула за сыном дверь. –
Не жди обратно.

И жизнь отца в трудах прошла.
А сын – как не был.
Отец все ждал,
Так в даль глядел –
Глаза ослепли.

Когда изъела сердце боль,
Когда смирился,
Расслышал в дверь он робкий стук,
Сын объявился.

Расслышал в дверь он робкий стук,
Полночный мрак клубился.
И на пороге пред отцом
Сын преклонился.

В лохмотьях, с низкой головой,
Лицо в морщинах,
В рыданьях сын к ногам припал
Неутолимых.

И с тихой ласкою рука
Над сыном опустилась.

На кудри пыльные легла...
И все простилося.

НЕЗАКОНЧЕННАЯ КАРТИНА «СИМЕОН С МЛАДЕНЦЕМ»

Не обернутся вспять
Забвенья реки.
Лениво-тяжелы
У женщин веки.

И царственно глядит
Любая складка –
Все пурпур, жемчуга
Одежды гладкой.

Все золото, все медь
Живого света
Из бархатистой тьмы
В его портретах.

Все счастье, все печаль –
Души глубины.
Так – сами по себе –
Живут картины.

И старец, и дитя,
Ступеньки храма.
Смерть – жизнь,
Приход – уход.
И смерть желанна.

Прости же, Симеон,
Сюжет не сделан.

Усталость клонит в сон.
Вот- Стикс, вот -Лета...

Туда, где ждет покой,
Хоть краски дышат.
Не шевельнуть рукой –
Другой допишет.

БАЛЛАДА О ПРЕДТЕЧЕ И СПАСИТЕЛЕ

Рубашку белую надел и входит в Иордан.
Там Иоанн стоит и ждет – Креститель Иоанн.
И молвит сей: «Вот Тот, кого я всей душою ждал!
Вот Тот, кого давно я ждать и призывать устал!»
Течет и плещется вода на голову Христа,
Ликуют ангелы в доме небесного Отца.
Исус выходит из воды, как заново рожден.
Его Спасителем зовут, бегут со всех сторон.
Пронизан светом лик Христа – и Он сама любовь!
И люди вспомнили о ней, хоть полон мир клыков.
Ступает Он, и впереди о Нем молва цветет.
И что случится с Ним потом, Он знает наперед.
А первым в тяжкий крестный путь, что был Всевышним
дан,
Под стражей к царскому двору отправлен Иоанн.
В окружье смоляных кудрей прекрасный грозен лик –
Затрясся Ирод изнутри, когда его ввели. -
Вот обличитель, и народ услышал гневный клич!
За все распутство, алчность, зло – Господен явлен бич!
«Я лишь Предтеча» - Иоанн рукой мысль отмахнул.
И громкий радостный огонь в очах его сверкнул. –
«А Тот, Кому за мной – вослед, пришел и не уйдет!
Но сделал дело я свое, теперь Его черед».
Предстала чистая вода пред взором, зазвенев... -

Улыбка тронула уста и укротила гнев.
И видит: в белом Иисус среди учеников,
Пронизан светом лик Его – и Он сама любовь!
И в то ж мгновение Христос замедлил легкий шаг,
И пресеклась вдруг речь Его, а у Него в очах –
Блудница подняла поднос, пред Иродом стоит,
А на подносе голова Крестителя лежит...
И дальше Он спешит в народ, благую весть несет. -
Суров и бледен лик Христа - настал Его черед.
Волною плещет Иордан - хоть сколь веков пройдет –
То лик Предтечи, то Христа в волнах его встает.

* * *

Застигнута грозой, иду под ливнем.
Вода с небес – волною за волной.
В рубашках зелени цветов веселых лица
И пахнет свежескошенной травой.

Я вымокла до нитки, как колосья.
О дух земли, ликующ и могуч!
В раскатах грома птиц многоголосье.
И чувство родины, как солнца первый луч.

* * *

Русь – березовая россыпь!
Всю хочу тебя обнять!
И в молоденьких березках
Тихо замертво упасть.

Знает дол и неба серость
Как дышу и чем дышу.
Не выносит больше сердце
Ту любовь, что в нем ношу.

Пусть сегодня над тобою
Ветреный осенний день,
Просвет краской голубою
Лег на крыши деревень.

И в прораны золотые,
И в листвы летящей сень
Все бубенчикам полыни
О тебе звенеть не лень.

И какой рисунок нежный:
Огоньки домов во мгле
На вечерней, на безбрежной
Сиротеющей земле.

И в груди стеснится снова
На малиновый закат.
Там, как с «Троицы» Рублева
Лики светлые глядят.

* * *

Кони вьюжные несутся,
Машут белой гривой.
Я хочу такую песню –
О любви счастливой!

Снег алмазный сыплет искры,
Хорошо на воле!
Я хочу такую песню –
О счастливой доле.

Выходи, кто мил и дорог,
Кто с улыбкой снится,
На природе при народе
Петь да веселиться.

Чтоб про черный день проклятый
За душой осталась
Русь моя – мой свет и радость,
Зоревая алость.

Кони вьюжные несутся,
Машут белой гривой.
На душе светло и чисто
От Руси любимой.

* * *

Там, в голубеющем тумане,
Цепь серых тощих тополей,
Бренча листвой, как кандалами,
Вдоль нищих тянется полей.

Как гость, съезжающий с квартиры,
И жить, и умереть готов,
Торчу в безумном этом мире
Среди зелененьких ростков.

И все же, разуму не внемля,
Все чувства в хмель души смешав,
И эту жизнь, и эту землю
Любить на острие ножа.

* * *

А просто так: равнина да курганы
Прочерчены до неба полосой.
И зеленца за клином оловянным,
Под облаков тяжелой пеленой.

То ель взбежит на лысину горы,
То красные кусты охватят поле,
То горький крест погибшим на раздолье
Покажется живущим до поры...

И все во мне: сегодняшнее с давним.
Такая связь, что кровь мою прольют,
Но эту ширь под лепет разнотравья
Я ни за что вовек не разлюблю!

Пусть резкий ветер, ветер с высоты
Гудит над нею, точно пчелы в соты,
И золотые, синие цветы
Трепещут под березовой дремотой!

Все вьется, вьется серая дорога,
Шумит, шумит камыш у тихих рек...
Открыта Русь от отчего порога
И до погоста, как пустынный брег.

Открыта вся! – И злой, и доброй воле,
Хоть в сотый раз сожги ее дотла -
Старушка-мать, кто знает много боли
И все равно душа светлым- светла.

* * *

Плач колокола в тихом поле –
Навзрыд, навзрыд.
С давнишней и щемящей болью
Он отзвуком на синей воле
Дрожит, дрожит.

И девушка с платочком белым
Там, на холме,
Рукой, как веткою, несмело
Взмахнула мне.

Все льнет к душе, все мне знакомо -
Так мать махала вслед,
Как уходила я из дома
В семнадцать лет.

И деревцо с печальной птицей,
И облако над ним –
Все это будет сниться, сниться
Сквозь лет неясный дым.

Плач колокола в поле дальнем,
Фигурки женской очертанья,
Где холм крутой,
Мелодии исповедальность
Всегда со мной.

* * *

В душе моей цветы цветут,
Цветы такие голубые!
И ветры синие поют
В колосья песен налитые.

Причалы, рельсы, поезда...
Сияют белые березы,
Они всегда мне были сестры,
Земля мне мать была всегда.

А сколько раз лихой судьбой
Меня над безднами мотало,
Она везде была со мной,
Хотя б от бед изнемогала.

Из самой губельной разрухи
Она указывала путь,
Святым преисполнясь духом,
Собой гасила боль и жуть.

Земля любви, земля разлуки,
Земля прощанья и надежд,
Целую в грудь тебя за муки
И во степи безвестный крест.

* * *

Пробрызгал дождь весенний.
Трава звенит от слез
В голубенькие тени
Синеющих берез.

Но небо взор не хмурит.
Куда я не пойду –
Качаются в лазури,
Ломаются в пруду.

Весна от юной силы,
Ликуя и маня,

Весельем напоила
И нежностью меня.

И вот всерьез и в шутку
Зовут в луга свернуть,
Толпятся незабудки,
Смеются: не забудь!

Да разве позабуду,
Коль всюду бирюза,
Закат нисходит, будто
Сиянья полоса!

И огоньки селений...
И за звездой звезда...
Как родины вечерней
И вечности глаза.

* * *

В этой старой игре под названием «Жизнь»
Выходила и я на подмости,
Что велась не по правилам, только держись!
Ну да хватит об этом. И поздно.

А душа моя там, где ни злой маяты,
Ни погибели, свечного воска.
Где глядят, как раскрытые раны, цветы
И что ангелы, встали березки.

От судилищ нелепых, от бойни людской
Укрывалась в звериные тропы.
В детской ласке зверья я купалась душой.
И ни горечь разгула, ни драки в пивной
Не сожгли эту нежность и робость.

Как деревня, как мать, все отдам, раздарю
Добрых чувств нерастраченных глыбу.
Оттого-то, с подмостков сходя, говорю:
Было все интересно. Спасибо.

ЛЕБЕДИ НА СНЕГУ

А. Колесову

Платное озерко
С подогретой водой.
Небо пахнет зимой.
В душу веет покой.

Солнце входит в азарт,
И жирует форель.
Скоро будет и март,
А за ним и апрель.

Подмосковная рать
Елей на берегу,
Точно из серебра -
Лебеди на снегу!

Насчитал человек
В парах их ровно шесть.
Доживает свой век
Он один, словно перст.

Но вдыхая мороз
В этом новом краю,
Вдруг подумал без слез
Про потерю свою.

Так подумал впервой, -
Ничего не страшась.
И с ушедшей душой
Вновь почувствовал связь.

Помахал лебедям,
Помолился на дол,
По дороге во храм,
Ликом светел, зашел.

И любовью храним,
Ставил ликам святым
За подругу свечу.
Все сияли пред ним
Лебеди на снегу.

СТРАСТНАЯ НЕДЕЛЯ

1.

Тает лед, горит рассвет.
Счастье было, счастья нет.
Лишь забота да нужда,
Лишь работа да страда.

Счастье было и ушло,
И с собою унесло
Юности веселый цвет,
Полный силы и надежд.

Где он, где он, счастья след?
Тает лед, парок – в рассвет.
Да и сам-то ты, мой свет,
Нынче есть, а завтра нет.

2.

Темно и мрачно в небесах,
Нависли тучи.
И слышен щебет снежных птах
Сквозь снег летучий.

Темно и мрачно на душе,
Как в половодье. –
Пройдет, как все прошло уже,
Как жизнь проходит.

Лишь на траве зеленой снег
И на деревьях.
И ты сливаешься навек
С печалью верной.

А сердце ждущее поет,
Как и певало,
Что гибнет ночь , что свет идет,
Начнем сначала?

3.

Страстная пятница пройдет.
Отплачутся утраты, горе.
Болящий исцелится вскоре,
Достаток нищий обретет.

Страстная пятница пройдет.
Очистится над головою,
Младенческой голубиной
Предстанет взору небосвод.

Апрель все почки развернет,
Все возродится к вере, к жизни
Без счетов с прошлым, укоризны.
И сирота любовь найдет.

И жадный совестливым будет,
Злодей раскается в грехах,
Судья невинных не засудит,
Змея не спрячется в цветах.

Никто друг друга не убьет.
Иван с недоли не запьет.
От боли сердце не замрет.
И все по-новому пойдет:

Сын Человеческий вернется,
Стоцветно заиграет солнце,
И нет Иуд, и смерти нет,
И будет свет, фаворский свет.

* * *

Синее речки стекло.
Ивы зеленые ветви.
Сколько воды утекло!
Свищет над кручею ветер.

В храм многолюдный войду -
О, эти белые своды!
Словно себя молодую найду.
Как изменили все годы...

Выйду на ветер.
Мостом над рекою
Поезд грохочет, грохочет.
Люди другие и время другое –
Все-то короче, жесточе.

Как под откос дикой жизни юдоль...
Кто обещал шоколадно?
Если я чувствую боль,
Значит, живу.
Ну и ладно.

БАБЬЕ ЛЕТО

После дождей, холодов облекло
Солнцем все силуэты.
Бабьим летом вернулось тепло
В струях текучих света.

Сразу увидели: у сентября
Сколь безграничны владенья:
Царь он янтарный, царь янтара,
Чьи пребогаты именья!

Желтая, красная карусель –
Кружит нас бабье лето!
Листьев волшебных шальная метель –
Словно любовь поэта.

Словно стихи и песни звучат
Доброго, дивного гения
И со стола его в руки летят...
Словно простор как зарею объят
Магией вдохновения.

Нищим уйдет под стон сосняка
Царь, промотав наследство.
За ночь печальные лягут снега,
Словно судьба поэта.

* * *

От зари до зари
В голубых купырях
Свет сияет, меня настигает.
То ли это под ветром блестят купыри,
То ли мать окликает.

И на свет, как на голос
Любимый бреду,
А душа – впереди легкой птицей.
Расступись ты, трава,
Хоть во сне, хоть в бреду,
Выйди, мама, не надо таиться.

Я увидеть хочу
Дорогое лицо,
Целовать твои слезы и руки.
Но березы меня
Обступают кольцом
И шумят мне о вечной разлуке.

Заворожен мой взгляд:
Эта чудная даль
С материнскими схожа чертами.
И уже и не даль,
А бездонная жаль
И любовь со святыми очами.

От зари до зари
Свет сияет...

* * *

Жизнь с хлопотливостью простой,
С привычкою трудиться.
Как лепит ласточка гнездо
К скале, и не боится.

И все – в огонь? Все – в пережной?
Забвению и тлену?
Ответа нет... И стон глухой
Несется из вселенной.

* * *

Полночному ветру не спится.
Восток начинает синеть.
Деревья как черные птицы
Пытаются тщетно взлететь.

Так грустно глядит с небосвода
Ко мне в изголовье звезда,
Как будто прожитые годы
Ушли навсегда в никуда!

И я, как и в детстве, не знаю
Судьбы дароносной своей.
Сколь дней мне осталось, гадаю
И сколько осталось ночей?

Но утро лучами беспечно
Закрасит печаль бытия,

И ясно, что жизнь бесконечна,
А с нею бессмертна и я.

И мир озарится улыбкой
На тайны незримый покров,
Роня пресветлые блики
В соцветья и завязь плодов.

* * *

В этом мире надо быть холодным,
Чтоб смотреть на низость свысока,
Чтоб не придавили неба своды,
Ставить на кон жизнь наверняка.

Ну а если, как у нас ведется,
Чувства в перехлест и через край,
Веселей, отчаянней поется,
Будто в рваном сердце вечный май!

Раздавала, как попало душу,
На людском базаре сгоряча,
И во имя верности и дружбы
Зажигалась красная свеча.

Раздавала, радостная, песни,
Как кафтан с удалого плеча.
Что косые взгляды, что мне перстни,
Что богатство, бархат да камча!

Но пришлось – вовеки бы не знать мне –
В море лжи и дикой злобы плавать,
Одинокой скрипкой в мире плакать,
Плавиться на медленном огне.

А свеча – невиданное дело –
Все о том же людям говорит,
Как в наивной рани я хотела,
И в груди сама собой горит.

И пускай горит и не сгорает
В радость мне и в радость вам.
Пусть воркует голубей небесных стая,
Я с душою легкой отпускаю
Душу на поклоны голубям.

МАТЬ

Эта сказка канула в истому
Юных лет, и помню только я:
К матери моей, к родному дому
За меня привел цыган коня.

Матушка растерянно молчала,
Матушка не знала что сказать.
В палисаде вишня облетала,
Было сладко свежестью дышать.

Он тогда привел коня второго,
Молча перед матушкою встал.
Табор над рекой пел песни снова,
Вечер над селеньем наступал.

Было мне всего тринадцать , может.
Я играла русою косой.
Видела в окно, как гордо, молча
Уводил коней он в табор свой.

Что за кони! Свистнуть б молодецки
И по долам радостно промчать,
Обрывая розовые ветки, -
Белая и огненная масть!

Видно, чуял песенную душу
И повадку вольную цыган.
Ничьего покоя не нарушив,
Я за песню голову отдам...

Два коня – один другого лише,
Налетались, нагулялись всласть.
Так судьба моя навеки вышла –
Белая и огненная масть.

ПЕЧАЛЬНАЯ СКАЗКА ЗИМЫ

Зиме подходит печальная сказка,
Огонь в камине, огонь в печи,
Ночная вьюга в окне алмазном –
Никто не впустит – пускай стучит.

И сумрак снежный, и голос нежный,
Сонаты звуки, любви тоска.
«Люби же вечно, мой друг сердечный,
Мы не расстанемся никогда!

К груди приникни, подай мне руки,
Забудь печали, забудь о всем.
Мы будем вместе назло разлуке,
И никогда с тобой не умрем!»

И ты из юбки – свечой из пламя -
К нему, белея, шагнешь во мглу...

И на высоком крыльце в тумане
Зиме подходит ваш поцелуй.

И вот уж тройка от дома бойко...
Звонят прощальные бубенцы...
Заря ложится под ноги тройке
И стало видно во все концы.

Зима поленья в огонь подбросит.
Печальной сказкой ей жить и жить.
Ах, эта сказка зиме подходит –
Она всех лучше, что могут быть.

ЛЮДИ ДВАДЦАТЫХ

Притягивают незащищенные
Их лица, и их глаза.
Голодом умудренные,
Лихолетьем клейменные,
Тем, что забыть нельзя.

В белых рубахах, крепкие,
Надежность, да удаль глаз –
Красивые были предки
У неприкаянных нас!

Семейные фотографии,
Домашний сложенный быт...
В сердце стреляет давнее:
Замучен, сослан, убит.

И вот оно: перед арестом
Или из личных дел
Снимки – тревожной повесток,
Чего никто не хотел.

Беззвучный крик из могилы:
Сукины вы сыны,
За что же народ сводили,
Основу основ страны?!

В молчанье ночном и заданном –
Стуки в двери, звонки,
В глаза и в судьбы впечатаны
Черные воронки.

Кровушкой зорька выткется
В последний их, тяжкий раз...
И это еще откликнется,
Откликнулось все на нас.
3 октября 2000 года

* * *

Прислушайтесь к слову Рубцова,
Что Русь, как молитва, хранит.
О всем, что земля нашептала,
Что вьюга в январь нарыдала,
Он словом своим говорит.

Прислушайтесь к слову Рубцова –
И сердце за ним улетит
В кипение моря ночного,
В сияние неба живого
И в горькую радость раки.

СЮИТА Ф. Г. ЛОРКЕ

*Эй, Федерико Гарсия,
Оповести патрули!
Я поднимаю твой голос,
Как золотистый колос,
Срезанный с отчей земли.*

ЮНОСТЬ

Я прошла Альгамброй, напевая,
Радостная, словно огонек.
Рощица лимонами сверкает
И фонтанов пенится поток.

Это Лорка звал в морскую просинь
К башням с флюгерами и в пыли.
Из садов протягивает розы,
Осыпает серебром олив.

Звезднолики девушки-цыганки
С веерами черными в руках.
Мне не зря мечталось и искалось
Красоты на русских ветряках!

Мне не раз увиденное снилось:
Синий над Альгамброю пожар
И в мужских руках, от солнца сильных,
Низких рокот золотых гитар.

Ветер над цветущей смуглой далью,
Щелканье сухое кастаньет.
И выходит с веточкой миндаля
Юный Лорка в шелковой чалме.

МУЗЫКА

О, музыка, ты вся – в душе поэта!
Звучит волна и камень, плющ оград.
И улочки Гранады все пропеты
Хорами роз, и ветра, и цикад.

Он трогал мох на стенах древних башен
Под звонами густых колоколов.
Бескрайний мир вмещался в грудь, бесстрашен,
Играя бабочками, зеленью садов.

Фиалками цвело, плескалось море,
Луна и звезды пели в небесах.
В дыханье гор и светлых роц предгорий
Струились Моцарт, и Шопен, и Бах.

Он слушал околдовано руины
И ликовал, молясь на красоту.
А музыка вела его в глубины,
Чтоб вознести, как ангел, в высоту.

ЗЕМЛЯ

Два слова только –
Земля и сердце.
Земля – это сердце
Под месяца долькой.

А сердце – ты рана,
Присыпана солью
Осенних туманов,
Тоски и разлуки.

И ветер разносит
Прощальные звуки
С дождем невеселым
Далеко! Далеко!
Смертное соло
Твое одинокое.

Земля – это сердце
И бремя разлуки,
А сколько любви в них!
А сколько в них муки!

РАДОСТЬ

Радости надо учиться.
Радости я ищу.
Это Франциск Азисский
В руки мне дал свечу.

Печали учиться не надо,
Горю или слезам.
Одна у нее услада –
Сама подходит к глазам.

Кровь мою возвратите
Соком в черных корнях,
Песню мою найдите
В золотых тополях.

Там, в свечении росном,
Под рыданья гитар,
Андалусии слезной
Из песен моих алтарь.

ПУТНИК

Шел он в сильном волнении,
Как зеленое море,
Из селенья в селенье
И из города в город.

Ах, народная песня!
Ты, как Дева Мария,
Всех милей и чудесней,
За собой заманила!

Словно дудки пастушьей
Безыскусный и страстный
Этот голос воздушный,
Всех родней и прекрасней.

В нем те белые башни
С желтыми флюгерами,
Церкви гор, церкви пашен -
Ввысь златыми крестами,

С полумесяцем острым
Силуэт минарета,
Кипарис твердокорый,
Блеск лазурного света.

Петухи с полотенец
Бьют наотмашь крылами,
Громко плачет младенец,
Ручки тянутся к маме...

Он любил здесь все сразу:
Магомета и Будду,

Иисуса, как праздник,
И фонтаны полудня.

Поклонился гвоздикам
И снегам над горами,
Всей веселою кровью
И бессмертной любовью
Расписался на камне:

Здесь прошел Федерико.

УТРО

Сверкали древние башни
Звонкими флюгерами,
Ветры лазурных пашен
Гладили кудри руками.

Олива в тени минарета
Осыпана солнечным светом .
Дворцы из теней и света,
Эхо улочек летних...

Цыганки в травах плясали,
Даль раскинув платками,
Цветы, просторы и камни,
И колосья шептали:

Никуда не уедешь,
Милый наш, из Гранады.
Ты ведь и сам в это веришь,
Слышишь – ветер прохладный,
Пастух выгоняет стадо?

Ты как святой отныне,
В белый жасмин одетый,
С веточкой винограда,
С песней родной долины,
С песнею недопетой...

Будешь голосом нашим,
Светлыми родниками,
Звоном ущелий, пашен,
Голубыми цветами.
В тихом свеченье утра,
В берегов перламутре.

Никогда не уедешь,
Милый наш, из Гранады.

ЖЕРТВА

Откуда он знал правду,
Откуда он знал с детства –
Печальная самая радость –
Быть на земле поэтом?

Какие вещи струны
Задел он на пару с ветром,
Зачем говорил про жертву,
Как плате за жизнь разумной?

И улыбался при этом,
Будто бы сам из стали...
Перед темным рассветом
Фашисты его расстреляли.

Выстрелы песню прервали
В тишине предрассветной.

Тогда-то люди узнали,
По слову его заветному

Простую жестокую правду,
Что казалась бравадой:
Печальная самая радость –
Быть на земле поэтом.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Что вздыхаешь да плачешь?
Хочешь в Испанию, мальчик?
Не беда, что нет у нас денег –
Путь луна указала,
И есть у меня конечек,
Конечек мой не красавец,
Но уздечка на нем золотая
И серебряные поводья!
Да, еще он крылатый!

Я на него усядусь,
Обниму за белую шею,
Мы с ним тебя подхватим –
И поскачем, поскачем
По лунной звонкой дорожке
В Испанию прямо поскачем!
Печальней ветер засвищет,
А мы с тобою помчимся
Быстрее ветра и птицы
Над багряною рощей
И голубой водицей.

Только ты уж не вскрикни,
Если конь вдруг споткнется,

Опустится на колени –
Ты его не пугайся.
И всадника на дороге
Кудрявого ты не бойся.
Значит, удача большая:
Мы в Испании точно,
И нам повстречался Лорка!
В руке у него гитара,
В зубах – цветок апельсинный,
Который несет любимой...
Он смуглый, как все цыгане,
Он, знаешь, такой веселый,
И ничего не боится.
А на груди его – рана...

Мы рану слезой омоем,
Мы рану цветком прикроем –
И радостно рассмеется,
В седло к нам запрыгнет Лорка!
В руки возьмет поводья,
Конечек тряхнет уздечкой,
И мы поскачем, поскачем
Дорогою каменистой,
Серебро луны рассыпая.
Про полковников черных
С сердцем из лайковой кожи
Мы даже с ним и не вспомним.
Пусть бог сам их накажет,
А Лорка пусть поет песни!

У лавровой темной рощи
С Лоркою мы простимся –
И тут пора возвращаться,
Ведь все кончаются сказки.

Ах, сладко спать на рассвете
С улыбкой юности мудрой,
В подушку – черные кудри.
И мама твоя не заметит,
И ты никому не скажешь,
Где мы с тобой гуляли,
А скажешь, так не поверят.

* * *

Все ново, мило, как после болезни,
Когда не чаял вырваться и встать,
И на больничной койке мир чудесный
Пытался мысленно зарисовать.

Те длинные развесистые пряди
Цветных берез и вавилонских ив,
И небо – синей школьной тетрадью,
И ветер, что так молодо-ленив.

Ты снова здесь. Стоишь под пышной липой,
Гуляешь беззаботно, мнешь траву
И слушаешь, как стучаются листья
И падают со звоном на тропу.

О тихий свет! И облак сей прелестный,
Сиреневый и сонно-голубой,
Воздушный, мимолетный и сквозной!

Ты замечаешь: мир еще чудесней,
Не в памяти и снах, а наяву.
И думаешь: до снега доживу.

* * *

Теплый вечер, темный ветер.
Алых кленов томный веер.
Ряд строений бесконечных.
Темный ветер, теплый вечер.

Быстро скрадывают тени
В серый сумрак лица встречающих.
Камень. Пристани ступени.
Капитаны пьют за встречу.

Корабли над берегами,
Как гравюрная армада.
Сердце тоже ищет гавань.
Давит города громада.

Бьют часы на башне древней.
И луна - пятном размытым.
В сон над этой жизнью брэнной
Ворон каркает сердито.

Фонарей лиловых сгустки
Засыпает легкой ватой.
Засыпает сердце грустью.
Спи же! – вот твоя отрада.

СИНИЙ СВЕТ

С. Есенину

Синий свет, свет такой синий!
Цвет черемух, как синий иней.

В западню тебя затащили,
В синий вечер убили.

Весь избитый, в рваной рубаше,
Золотой головой – на плахе. –

Так поэт написал, прощаясь.
Так и я повторяю.

Синий свет, свет такой тихий...
Розовеют поля гречихи.

Нежный свет, как твой взгляд, струится...
Золотеют поля пшеницы.

Синей дымкой повиты дали –
Много в них любви и печали.

Свет Руси, навек тебе милый,
Свет небес над твоей могилой.

Синий свет, свет такой синий!
И твое дорогое имя.

ТЮРЕМНЫЙ ДОКТОР ГААЗ

*«Спешите делать добро!»
Ф. Гааз*

«Поцелуй меня, голубчик!» -
Слезно доктор говорил
Арестанту на прощанье
И конфетами дарил.

В старом фраке со звездой,
В длинных рыжих сапогах

Он шагал Москвою рядом,
Все этапы провожал.

Чтобы меньше пострадали,
Шли до каторги целы,
Тело цепи не стирали,
Изобрел им кандалы.

Он жалел всех заключенных
И святым в народе слыл.
За невинно осужденных,
За больных, бродяг, бездельных
Власть имущих он молил.

И лечил людей бесплатно.
Все имущество раздал.
Сам больной, в свой день последний
Всех пришедших принимал.

А когда-то был богатым,
Выезд – с тройкой рысаков,
И дружил с ним император,
Лучшим был из докторов...

Человечье в человеке
Он будил, чтоб луч не гас.
...Шли, несли, теплея, в сердце
Имя странное: Гааз.

Продолжайте, милый доктор!
Я в сторонке посижу,
А потом со всем народом
На покой вас провожу.

Сам невинно осужденный,
В муках на кресте казненный,
Вас Христос принять готов.
И могильная ограда –
Вся из добрых кандалов.

СИРЕНЬ 1945-го

Победителей наших
В светлый день возвращенья –
Их встречали сиренью,
Их встречали сиренью.

Ликовала по склонам,
По кладбищам, оврагам.
Шли домой эшелоны
И звенели награды.

Были майские грозы
И святые минуты:
Поцелуи и слезы,
И сирени салюты.

ИВАН-ВОИН

И. Панкратову

«Ну, обними меня скорее,
Моя законная жена,
Домой вернулся я с гражданской,
Мой бог, закончилась она!»

- «Как рада я, что ты вернулся,
Любимый мой, законный муж.

Прости, я вышла за другого
И детки есть у нас к тому ж».

«Но как же ты...»

- «Вот похоронка,
Что с честью ты погиб в бою.
Ее как память за иконкой
Все это время я храню...»

Побрел он прочь, а по ресницам
Скатилась горькая слеза.
Построил дом, опять женился,
Но дымом выело глаза.

Он обернулся к чисту полю -
Дорога к счастью не видна.
Да не туман, а дым клубится,
На поле новая война!

...И вот опять в село под вечер
Солдат израненный идет.
Жена с младенцем на порожке
И колыбельную поет:

«Не плачь, не рви ты похоронку,
А грудь скорей возьми, малец.
Есть у тебя браток с сестренкой,
Есть у тебя другой отец».

Побрел он прочь, а по ресницам
Скатилась горькая слеза.
Построил дом, опять женился,
Но дымом выело глаза.

Хрипит на площади динамик,
Как черный ворон, как судьба.
Хрипит над площадью динамик -
И новый сбор трубит труба.

...И в третий раз он воротился,
Отбив фашистскую орду.
С осколком в сердце и с наградой,
Благодаря свою звезду.

«Встречай меня, моя родная,
Моя законная жена!
Иду домой к себе усталый,
Мой бог, закончилась война».

- «Как рада я, что ты вернулся,
Что ты живой, любимый муж!
Прости, я вышла за другого
И детки есть у нас к тому ж.

Бери, гляди - вот похоронка,
Что в страшном ты погиб бою.
Что в братской ты лежишь могиле
В широком поле на краю».

Явился он на поле боя
И сам прочел о смерти весть.
Он камень-памятник погладил:
Добро, что не один я здесь.

Достал «лекарство» из кармана,
Себе налил, братьям пролил...
И на прощанье поклонился,
И в дом пришел, и говорил:

«Что тут поделывать, дорогая!
Теперь друзьями будем – так?»
Присел к столу, не скинув шапку,
И крепкий закурил табак.

БЕЛЫЕ КОЛГОТКИ

Идут два друга городом ночным.
Они в Чечне свое отвоевали.
Лежат в шкатулках дома их медали.
Идут два друга городом родным.

Не город – электрический каскад.
Сверкают елки яркими огнями.
И дед Мороз с Снегурочкой спешат
Раз в год детей порадовать дарами.

Шагают двое, а метель метет.
Навстречу – захмелевшая девица.
- Одной под Новый год быть не годится,
Давай-ка вместе встретим Новый год!

- Как хорошо! – воскликнула девица –
Одной под Новый год быть не годится.
Давайте вместе встретим Новый год!
И рядом с ними весело идет.

- Давайте-ка, друзья, проводим старый,
Со всем плохим, он был для нас тяжел.
По-фронтовому, водочка на стол
И разом опрокинуты стаканы.

- Ну как кому, а мне удача шла
И оказалась денежной работа.

Вы слышали про белые колготки?
Я, мальчишки, там снайпером была.

И вот смотрю: знакомые все лица!
Нас разделяла, как ножом, Чечня...
И рассмеялась пьяная девица:
Вас на счету немало у меня!

И тут у них выиграло ретивое:
Ах, сволочь! Ах, на нашей на крови!
Весь хмель как сняло жесткою рукою,
И на нее накиннулись они...

Армейским шагом, строевым чеканным,
Бои припомнив, кровью всей кипя,
Идут два друга прочь из ресторана,
Идут сдавать в милицию себя.

Как выстрелы, салютов вереницы,
Хоть праздничная ночь уже ясна...
Сидит мертва залетная девица
И из колючих глаз глядит война.

ВОЙНА

Матери прислали гроб.
Дома гроб раскрыли...
Хоть похожий, не того
Миром схоронили.

Мать про это все – молчок.
Тоже сердцу больно.
Тоже чей-то сынок –
Пусть лежит спокойно.

Сын вернулся домой,
Радости-то было!
И к себе он, живой,
Ходит на могилу.

ДЕНЬ В ЦВЕТУ

День расшит цветами и ветвями
В солнышке блистающих берез.
И синее Волга за кустами,
За травой, скрывающей откос.

Колокольчик, мальвы и ромашки
Медом напитали лепестки.
Словно дети, вышли в мир бесстрашно,
А над ними – пчелы, мотыльки.

И бывает нужно человеку
Постоять, невольно присмирив,
Тут, под материнскою опекой
Густо зеленеющих дерев.

Где парнишка, выйдя из машины,
Восхищенный милой красотой,
Рвет цветы июля для любимой
На земле доверчивой, родной.

А букет, как золотом облитый
Алой краской и голубизной!
Станет ночь светиться от избытка
И любви, и радости земной!

И встает, лишь я глаза прикрою,
Там, где не прошелся сенокос,
Ото зла, от болестей, от горя
День в цвету, в блистании берез.

ЦВЕТЫ И ТРАВЫ

В зеленый лес вхожу благоговя.
Тут торжествует смертная краса!
Цветы простые жарким солнцем веют,
И быстро надвигается гроза.

Цветы – душа лесная, полевая –
У каждого куста и вдоль дорог.
Я встрече с вами радуюсь и знаю:
Безгрешные, где вы – там дышит бог.

Здороваясь и говорю с гвоздикой,
С осколком зорьки в крохотном цветке,
И льнут к ногам, синяя, повилики,
И в сердце зароня счастья блики,
Бегут ромашки, день открыв, к реке.

Такое чувство, что домой вернулась,
И все любя, и снова став собой,
С подросшею сосенкой улыбнулась
И обнялась с березовой родней.

И было, было надобно вернуться:
Потери и удары превозмочь,
На все, что пережито, оглянуться
И от всего – к цветам и травам – прочь!

Цветы, цветы – у вас судьба людская!
Теперь я много думаю о вас.
И с вами проще жизнь я принимаю,
И всякую беду, и смертный час.

И от всего, что дорого, наверно,
Остались вы да эта синева...
О самом добром, самом сокровенном
Светло и тихо молится трава.

* * *

Заката ясный розовый огонь
Окрасил воды, лег на зелень ивы
И так, не обжигая никого,
Горит бездымно, ровно, терпеливо.

Цветы и травы мирно шелестят,
Что мир, рукой не тронутый, прекрасен,
Что в этот час раздумьем он объят,
Что твой приход в него был не напрасен.

А ласточки заботливо снуют,
Влетают в дом, садясь на подоконник,
Где в плосках розы мелкие цветут,
И ты их кормишь хлебушком с ладони.

И все сильней становится их крик,
И за окном сгущаются их тени.
И вятен вдруг становится язык
Упавшей наземь темноты вечерней.

То ветер, словно конь, блеснув уздой,
Промчит по водам, спрячется в купавы...
Цветы и травы берегут покой,
Качает темнота цветы и травы...

* * *

Все ярче синь.
За косогор
Чуток пройти лишь надо –
И Волги удалой простор
Уже как будто рядом.

Идешь, идешь –
Холм за холмом –
Чтоб встать на берегу крутом...

Безбрежна синь!
Безбрежна даль
На голубом просторе!
И ахнешь,
Хоть и знал всегда:
Не речка это - море!

Все шире солнца полоса...
Там берег? -
Нет, ребята!
Над Волгой день так начался -
И не окинешь взглядом!

В НЕЖНОМ МЕРЦАНИИ

В нежном мерцании плещет волною
Чудная воля – легко с ней дышать...
Светит луна, словно хочет такое
Волга особенное рассказать.

Выйду послушать про судьбы, про битвы,
Ведь не забыла она ничего.
Волга – ты светлая сердца молитва,
Сердца влюбленного моего!

Низко спустились прекрасные звезды,
Тих и задумчив над берегом бор...
И набегают счастливые слезы,
Слезы, каких и не знал до сих пор...

СИНЕГЛАЗАЯ ДЕВУШКА

Синеглазая девушка песню поет,
Песню слушает день уходящий.
Синеглазая девушка ловко плетет
Свой веночек из белых ромашек.

Много ласки и радости в каждом цветке,
Аромат разлился по раздолью.
Синеглазую девушку в летнем венке
Любит лес, любят речка и поле.

Синеглазая песню свою допоеет
И уйдет по зеленым туманам.
Эти травы шумят – и душа в лад цветет,
В ней они никогда не увянут.

Над зеленою рожью веночек плывет...
Ветер руки смыкает над станом
И в простор на руках ее нежно несет
И играет цветным сарафаном.

* * *

Тяжело ворочается гром
На высоких голубых полатах.
Молнии пронзают окоем,
Как сошлись невидимые рати.

За струю – звездная струя –
Как из ведрышка окатит ливнем!
Торжествует светлая земля
И дает любому стать счастливым.

И покуда царствуют скворцы,
Век не начал роковые встряски,
Спят в своих футлярах мертвецы,
Спят младенцы в розовых колясках.

В этом море свежести и нег
Тишина такая вдруг, что слышно,
Как в голубизне душистый снег
Осыпает под окошко вишня.

ЗАТОПЛЕНИЕ

Я люблю разнотравье степное
Подле мест, где волгарь бы нашел
Зовом сердца в лазурном покое
Остов бывших затопленных сел.

Так с Тургеневом было когда-то,
Что на дне покоренной реки...
Волга бьет колокольным набатом
Да цыгарки смолят мужики...

В час урочный, вечерний, приди ж ты
На поклон невеселой волне,
И увидишь всплывающий Китеж
Волжской были в прозрачной воде.

Тут ведь жили, трудились, любили
И мечтали о лучших из дней...
Много дум эти годы скопили
В камышовых причалах над ней!

Получилось и в судьбах негладко:
Тишина стала хуже, чем крик...
Точно вывернув шею в оглядке,
Уходил прочь от дома старик.

Он не плакал, не клял, не метался,
Просто гладил рукой злую гладь,
Все глядел в глубину, как пытался
Эту глубь своим взглядом вобрать...

И цветет разнотравье степное –
Так оно не цвело никогда!
И шумит в летнем яростном зное
Про минувшие, в общем, года...

ЗАКОЛОЧЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

Дикий ветер пригибает тени,
Топчет беспощадною ногой.
И в костре заката, как поленья,
Жжет деревья под собой.

Свищет, точно Соловей-разбойник,
Бьет остервенело сапогом

О ступеньки, об косяк оконный,
Проверяя, развалился ль дом.

Вдоль полей, погоста чужаком
Рыщет заколоченной деревней.
Лишь наличники резьбою древней
Говорят о милом, о былом.

Как тут жили, лад во всем ценили
И пахали, не щадя живот.
Пели песни, плакали, женились...
Нынче тут лишь Васенька живет.

Держит пчелок в нелюдимой старости,
Ведь луга-то хороши вокруг!
Ходит медом торговать на станцию –
Десять верст блаженному не крюк.

Сяду рядом, выйдя из попутки,
Голову руками обхвачу...
Это, милые мои, не шулки:
Ставить поминальную свечу.

Это слишком поздно спохватиться,
Воротиться, словно блудный сын.
Ничему уже не воскреситься
В родине тоскующих осин.

Что поближе к центру, укрупнили,
Прочих предоставили судьбе.
С деревенькой дел наворотили,
Хуже всяких ворогов себе.

И гармошка плачет с перепоя,
Что в кармане снова – ни шиша.
Что такое, ах, да что ж такое,
Ты, загадка – русская душа?

Я хочу уткнуться в дорогое,
Как теленок, в мягкую траву,
Чтоб слышать доброе, родное,
Без чего ни дня не проживу.

ДЕРЕВНЯ

В зените лет мой друг на смертном одре
Шепнул: «Спаси Россию, Боже мой...»
Он был интеллигент, он был историк
И родине служил он всей душой.

Россия вся из сел и деревенок,
А не из важных, громких городов.
Деревне, пишут, не хватает денег,
Хозяйских рук, как было у отцов.

Все это так...

Поменьше бы ловчили
Да скопом набивали свой карман,
Да, не жалея, не любя, катили
От сирых пашенок за океан!

Уйду от слов: Россия умирает.
Уйду от слов: деревня умерла.
Нет, родина, как феникс, воскресает,
Коль с разумом вести ее дела.

Под белым сводом божеского храма
Свечи не ставлю ей за упокой. –
За здоровье ей ставлю среди обмана
И алчности, и низости людской.

И жду, когда подыметесь Россия,
Вздохнет – и кровососов отряхнет.
Когда деревня недра золотые
Погонит в колос, снова заживет.

А поле помнит времена Батыев...
И поле ждет,
Как мать сыночка ждет.

ВКУС ХЛЕБА

В глухой деревушке, где ели да сосны,
Из шишек и снега убор,
Была я однажды желанною гостьей,
Того не забыть до сих пор.

Такой каравай я встречала впервые,
Ах, что это за каравай!
Все булки отдай, все торты городские,
А этот – себе оставляй.

Я хлеба вовеки не ела такого
И больше навряд ли поем.
Такого густого, медово-ржаного,
Достойного царских поэм,

Какие слагал на века Фирдуоси,
Какие Низами слагал.
В нем пели налитые солнцем колосья,
В нем розу монах целовал.

Дышал кисло-сладкой душистою плотью,
Когда же я в руки взяла,
Ее оттянул теплой гирькой ломотик –
В нем тяга земная жила!

И сила, и радость во мне бились гулко,
Ах, что это за каравай!
Отдай все торты городские и булки,
А этот – себе оставляй.

Вдруг стал мне понятен смысл давнего слова,
Как с этим ломтем целый день
Работали в поле, в иные шли села –
И не был подтянут ремень.

В лесной деревушке, где снега не тают,
На окнах – из кружев узор,
Святой каравай на столе отдыхает,
А вкус помню я до сих пор.

* * *

Пусть, родина, в кровавых ты раздорах
И собираешь вновь свои полки,
Твоя полынь мне машет с косогоров,
Шумит тальник под ветром у реки.

Пускай сменила алый полушалок
На черный плат безумная судьба,
В чужих одежках выглядишь ты жалко, -
И все равно ты не раба!

Пока политиканствующих свора
О хлебе и земле бесплодит споры
И все труднее выживать народу,
И за словами: «Гибнет Русь, о грусть!»
Все явственнее слышно: хрусть-похрусть,
Себя ты не даешь согнуть в угоду.

Пусть те, кто сбег, под чуждою звездой,
И мало радости в селениях твоих,
Тебе одной с надеждой и любовью
Кладет поклон мой незаемный стих.

РУКИ РОЗЫ

Эти руки совсем не белы
И на них не сверкали колечки.
И суставы, как знаком беды,
Сплошь узлами отмечены.

Потому что шли годы войны
И, девчоночьи вроде,
А трудились всех лучше они
На патронном заводе.

И орудовать ловко иглой,
И пилой, и лопатой,
И бороться с тифозною вшой –
Все могли, если надо.

Из зенитки сбивать врага
Иль отстирывать кровь с рубахи,
Иль вытаскивать по снегам
Раненого из атаки.

Поднести водицы испить,
Накормить сваренною пшенкой

Иль повязку бойцу сменить,
Иль ухаживать за ребенком.

Эти руки надежны, крепки
Согревали душу солдата,
Пересилили смерть и бои,
Хирургические палаты.

Эти руки так были нежны
Как любимого обнимали,
Сердцу крылья давали они,
Во спасение окрещали.

Эти руки прекрасны, как день –
День Победы и мая!
На вокзал принесли сирень,
Свое счастье встречая.

Как они, попробуй суметь
В девяносто! – как об избытком –
Отмахнуться: «Да ну ее, смерть!
Что о ней говорить-то!»

* * *

Дай бог добрым людям добра –
Вот моя молитва с утра,
Ведь без них, как там не елень,
Не случится радостный день.

Может, им всего тяжелей,
Бог, накрой их ризой своей.
Пусть они живут и живут,
Всем любовь и помощь несут.

Сирых ты детей обогрей,
И безвинных в тюрьмах людей,
И зверей, бездомных зверей,
Ради них меня не жалеи.

* * *

Дочери.

Расскажи мне что-нибудь хорошее
Или песню нежную мне спой,
Чтоб душа, забыв тоску острожную,
Развернулась, стала молодой.

Позабылись горечь и утраты,
Площадной пустопорожний гам.
Ветер жеребенком кудловатым
Скачет по дорогам и полям.

Я его люблю за то, что душу
Выплеснет из костяной тюрьмы.
Ржанье ветровое тянет слушать
В буйном шуме волжской стороны.

На широком, на Московском тракте –
Сколько тут оставлено следов
Тех, кто шли этапами когда-то,
Пропадали без надежд и слов!

Ветер свищет, месяц в тучах рыщет,
Вечер желт в объятьях синевы.
И мои следы никто не сыщет
В беспокойном шелесте листвы.

Так и я по тракту этой жизни
Молчаливо, все отдав, пройду,
Одиноко и без укоризны
Навсегда в тумане пропаду.

Унося в истрепанной котомке
Образ мира, чем еще он жив:
Под кустами лошадь с жеребенком
Спят, друг к другу головы склонив.

ЖИЗНЬ ДЕРЕВЬЕВ

Мне жизнь деревьев интересна.
Не потому ль, что выросла в лесу –
Наш дом стоял в двух-трех шагах от леса
И мы росли в шумящую красу.

Был дом. Был сад.
О, как весну мы ждали!
Окно раскрой и дверь в нее раскрой –
Окатит, с ног валя, как хмель едва ли,
Цветенья розовый прибор.

Не потому ль я видеть не могу,
Как корнем вверх – и под ковшом железным
То ль на асфальте, то ли на лугу
Ложится дерево поверженным?

Красны рябины, как на черном блюде.
Они еще дрожат листвой,
Мне кажется, их стонут груди, -
Вот так в неравной схватке роковой
Лежат порубленные люди.

Тогда под жалобь голосов,
Прощаясь с ними и тоскуя,
С осенним ветром из лесов
Кору их глажу и целую.

И радуюсь, когда опять
Деревья поднялись в округе,
Их светлых песен слышу звуки,
Когда цветут их плоть и стать
И к солнцу поднятые руки.

* * *

Ах, заря какая в синьке заяснилась!
Так меня любили, как другим не снилось.

Ах, закат багровый, индо глазу больно!
Так меня ломали, как березку в поле.

Белая, белее известки,
Лю-ли, лю-ли стояла...
От всего ты, песня, для меня осталась.

* * *

Закурилось в небесах вечерие.
Зачинается мое веселие.

Не от лести, сладкого вина,
А от милых глаз пьяным-пьяна!

Не чугунной цепью я прикована,
А твоей любовью коронована.

Веришь ли, когда всем сердцем любится,
То удача сразу приголубится.

Вот и ветер с севера подул,
В небесах прошел веселый гул.

Рядом бродит нежная гроза,
Мечет легкий синий свет в глаза.

Не дай бог тяжелого похмелия
С моего хорошего вечера.

* * *

Сколько раз не давали пропасть —
Все зачем-то спасают меня
Силы тайные вод и огня,
И небес, нам являющих власть.

И приходится мне продолжать
Злые годы, как сроки, мотать,
Чтобы с родиной кровная связь
Не остыла, не оборвалась.

Так чего ж нет покоя душе? —
Ни к чему ни деньжата, ни власть.
Даже чуда не надо уже,
Чтобы сказкой прижизненно стать.

Мне бы синим качаться цветком —
Никому, ни о чем, ни о ком...
Ах, за тайну, за то, чего нет,
В синий с детства влюбилась я свет!

И бреду, одинокий пророк,
И несу, как поленьев беремья,
Тяжесть жизнью накопленных строк
Для нестрашного самосожженья.

Колокольчик звенит на меже
И ромашки в венцах, как святые.
Им кладу я поклоны земные,
Только свет и Россия в душе.

* * *

Г. И.

Вечная весна. Васильковый свет.
Утра теплый луч птицами пропет.

Для невечных нас, радость жизни для, -
Вечная весна. Вечная земля.

Слаще и жадней все стремимся мы
На распев волны, на простор весны.

И выносит свет, обольщая вновь,
В вечную весну, в вечную любовь.

* * *

Июльское цветов благоуханье
И звоны воздуха под солнечным лучом.
Берез и лип нежнейшее дыханье,
Фонтаны ив зеленых над прудом.

Веселых ног по тротуару стуки,
В траве мельканье голубиных крыл.
И жалоба оборванной старухи:
«Зачем, Господь, нас с рук своих спустил?»

И облака, белеющие ярко,
И вознесенный к ним церквушки крест...
Да, жизнь была нечаянным подарком,
Была благословением небес.

* * *

Любуясь, колокольчики несу
Из голубеющего поля.
«Давно сказал поэт – произнесу –
«На свете счастья нет,
Но есть покой и воля».

Сказал другой поэт ему в ответ:
«Покоя нет!
Покой нам только снится».
Мне синий свет ложится на ресницы,
Такой красивый и целящий свет!

На свете счастья нет, покоя нет,
И только в поле вольному есть воля...
Душе для равновесия букет
Пред всем, чему нас не учили в школе.

ГОРОДСКИЕ СОБАКИ

Они в листву уткнувшись спят
На стынущей земле.
Им снится дом, хозяин, сад
И угол свой в тепле.

Они от ужаса дрожат
Под пуль короткий взвой.
Бегут, куда глаза глядят,
Щенки за ними семят
Голодную гурьбой.

В стране, где проще погубить,
Чем дать живому жить,
Чем пожалеть и накормить,
Свою вину избыть.

И беспощадна синева
Им встречь - в глазах людских.
А вы – о бже, о любви –
Слова, слова, слова!

* * *

Услышать писк звезды новорожденной
И осознать, что время истекло.
Что бьются бабочки в старанье монотонном
Прощально об оконное стекло.

А звезды все летят в пределы света –
Им вспыхивать, срываться, угасать...
И только звездочетам и поэтам
Загадки мирозданья разгадать.

* * *

А когда играют в небе краски
И бродяги всюду – там и тут
Из земли зеленой и прекрасной
Словно одуванчики растут,

И в цветочном воздухе такое,
Что рождает легких мыслей рой,
Мы опять встречаемся с тобою
Под веселой розовой луной.

На карнизах что коты, что кошки
Чувства выражают вразнобой –
Это просто молодость тревожит,
Как в пятнадцать, крутят все любовь.

И тебе девчонки строят глазки –
Даже телеграфному столбу!
Как лунатик с крыши, без опаски,
Как во сне, врезаемся в толпу.

И в полупрозрачном, нежном, белом
Деревца, что призраки стоят.
Как сирень фонарики горят.
Под гипнозом мая очумело
Все бредут ночами наугад.

Ангелы и демоны порхают
Сотовым поющим в унисон
И пути людские направляют,
Каждый видит свой весенний сон.

Ах, когда играют в небе краски,
Хочется такое отчудить,
Чтобы с новой песнею и лаской
На земле суметь и дальше жить.

* * *

Россия, я твоя беспризорная дочка.
Ты меня потеряла еще в 90-х.

Пронесло по ухабам, бездорожьем, по кочкам,
У тебя слишком много нас, русоволосых.

Ты меня потеряла, а я не пропала.
Я себя собрала, начала все сначала.
И твои купола над вихрами сияли,
И твои облака по душе пролетали.

И опять бездорожье, опять перекосы,
Нам всегда выживать было очень непросто.
Но какая б звезда над тобой не стояла,
Ты себя соберешь и начнешь все сначала.

Я иду – фонари отражаются в лужах.
Мой притихший Симбирск, он готовится к стуже.
Ничего, что мой голос надорван, простужен –
Ты всегда говорила, что он тебе нужен...

Ты сама настрадалась средь зла и обмана,
Ты обнимешь меня, ты всегда пожалеешь.
Потому что все русские – сильные, мама,
Потому что мы обе с тобой водолеи.

* * *

Я росла у бабки без догляда.
Ей – страда колхозная с утра,
Мне – бродяжеств вольная отрада...
И прошли деревней мастера.

Что ни спросишь – все они умели:
Печки класть, игрушки вырезать,
Дом поставить, сделать карусели,
Даже что угодно изваять.

До чего ж я к ним душой прибилась,
Бегала за ними как щенок.
Все у них играючи вершилось
И летал задорный говорок.

Знала ли, что навсегда запомню,
В сердце пронесу заветы те
И своей судьбою их исполню:
«Красоту руби по высоте!»

И не эта ль огненная тяга
На прекрасной, горестной земле
Мне давала силы и отваги
В песенном суровом ремесле?

Не она ль тянула душу к звездам,
Заставляла много верст шагать
К старому художнику подростком,
Чтоб учиться зори рисовать?

Загляжусь ли на соборы древние,
Что сияют на холмах у рек,
И захватит дух от восхищения:
Это чудо сделал человек!

Как все выше круг за кругом сокол,
Чтоб парить во взлета красоте,
Красота стремлением высока,
Красоту руби по высоте!

* * *

Начиналась жизнь с пеня колыбельной,
Сонной синевы, замыти метельной.

Начинался бал с голубой гостиной,
С белого столба на гербе старинном...
Открывался свет с голубой равнины,
Со златых широт, со необозримых!
...Начиналась Русь со боров московских,
Начинался плач со копыт монгольских.
Начиналась боль со стрелы летящей,
Начинался сказ со струны гудящей.
Начинался путь с ковылей кровавых –
И носилась Жаль, и звенела Слава.
Начиналась смерть с ворона над сечей,
Со звезды, что вдруг закатилась в вечность.
Начиналась песнь с радости и боли,
Ай, моя любовь, как березка в поле!

* * *

А. Ч.

Что-то не сладилось в высях,
Что-то не вышло в судьбе...
Золотом кроют листья
Эту дорожку к тебе.

Даже во мраке ненастья
Вижу глаза твои.
Как ты мечтал о счастье!
Как ты искал любви!

Вычеркнуты из жизни,
Годы летят, летят...
Роем листва кружится,
Краски лесов горят.

Пусть индевеют дали,
Пусть розовеет листва.
Нет, в нас не зря полыхали
Золотые слова!

Ветер – степной бубенчик,
Нежно зовет назад.
Вновь весь октябрь мне шепчет
О тебе листопад.

* * *

*«Мы с тобой позабыты навек
Посреди бесприютной России».*

А. Ч.

Мы с тобой позабыты навек
Посреди бесприютной России.
Только падает, падает снег
Или ливни косые.

Нам никто не готовил судьбы
И зеленого света.
Покидая распятий столбы,
Мы остались – поэты.

Вспомню все и опять закурю
На бревне у чужого сарая.
И вздохнув, для тебя говорю:
Вечной памяти, светлого рая...

На изломе выводит порой
Жизнь занятную строчку.
То, что пели мы вместе с тобой,
Допевать в одиночку.

Как по кругу бегут поезда,
Точно в пропасть летят самолеты,
А над родиной злая звезда
И войны, и потерь распростерга.

Допою – вот и вся недолга
Посреди неприютной России.
И навек над судьбою снега
Или ливни косые.

* * *

Жизнь была в самом начале.
Выросли розы мои –
Черная роза печали,
Красная роза любви.

Как она ярко горела,
Будто бы сердце в крови!
Как она радостно пела,
Красная роза любви!

Вьюги в окошко рыдали,
Жизнь непростой удалась.
Черною розой печали
Вся она переплелась.

Но за далекою былью,
Жарче горя вновь и вновь,
Черную розу затмила
Красная роза - любовь.

Обе бороться устали.
Обе на грудь мне легли –
Черная роза печали,
Красная роза любви.

ТИХИЙ ДЕНЬ

Замерла вся округа,
Ни словечка, ни стука,
Листьев желтая сень.
После выноса друга,
Юбилея подруги –
Тихий день.

После слез, поздравлений,
Выяснения отношений –
Только тень на плетень.
Только плед, только книга,
В бесконечности мига -
Тихий день.

Анненский на обложке.
Все пленительней, горше
Бедной жизни шесток.
Только память продрогшая
И одиннадцать серебряных кошек
У измученных ног.

Даже сумрачный ветер
Лег поспать на повети,
Бормотать ему лень.
Да и сердце как в нетях,
Так бывает на свете –
Тихий день.

«ЗОЛОТЫЕ КУПОЛА»

«Золотые купола» -
Надвое жизнь потекла.

Заливается попса.
Одиночество – в глаза.

Роллы, суши и коньяк.
Каждый сам себе дурак.

Пиво, чипсы, о ла-ла!
Хоть немножечко тепла.

Только в прошлое теперь
Наглухо закрыта дверь.

Там – любовь, а тут – зола.
И повсюду зеркала.

Прикурить ищу огня.
Как сейчас ты без меня?

Не звенят колокола
В золотые купола.

* * *

Над вершинами сосен сверкала луна
И на землю ложились глубокие тени.
И над миром стояла одна тишина
Та, густая, как мед, - черный, взятки последней...

Неужели исчерпана бочка до дна?
Что осталось, мой друг, от бывшего повесы? –
Только эта печальная тишина...
И сверкает луна металлическим блеском.

* * *

В серый сумрак, в листопад
Тени женские скользят
По заброшенной аллее
Двух, кто были всех милее.

- Но любила ль ты его?
- Я любила... не простила.
Может быть, и оттого
На могилку не ходила...

Ну а ты?
- И я о том...
Обе, значит, расплатились...

Перед собственным концом
Обе снова подружились.

Две старухи ворошат
Неотжившее былое.
Угли памяти чадят,
И гремящий листопад
Сыплет давней дней листвою.

* * *

О ладан прелых листьев!
О синий, желтый дождь!

И молодо, и чисто,
Любви как будто ждешь.

И серенькое небо
Так матово блестит.
Пора б улечься снегу,
Да осень не велит.

Пора бы сбросить листья,
А клен горьмя горит.
Пора, пора смириться,
Да сердце не велит.

* * *

Как плачется ветер!
Как сильно шумит!
Высокие ветви
Качает раки.

Но в сумрак осенний
Не выжмет слезу,
Лишь длинные тени
Мянутся внизу.

Он не улетает,
В ознобе дрожа,
Как чья-то не знает
Покоя душа.

Как будто заветный
Заказан ей путь,
Где можно на ветке
Прилечь отдохнуть.

Где звезды, как розы,
Грехи не гнетут,
И души не плачут –
Как птицы поют.

* * *

Зеленеют озимые.
Растрепали ивы косы
И бегут в вечернем дыме
Вниз по облаку с откосов.

Дождик ходит, сеет зерна
В рыжие с лиловым травы.
И клюет их ворон черный,
Серебрится лес кудрявый.

В сарафане красном осень
Бродит с песней-невидимкой.
Застилают листья озимь,
Застилает память дымкой.

Распевает осень с чувством
О любви и о разлуке.
И листком кровавым грустно
Сердце падает ей в руки.

В эту пору сонных листьев
И сплошного листопада
Хороша грибная мглистость,
Счастье тоже где-то рядом.

Где ты, где ты, моя радость?
Кровь по венам – горячее!

От протянутого взгляда
Над землей моей светлее.

* * *

Воздух осени нежный и терпкий,
Словно пена седой волны
Бьет в замшелые валуны,
И почти невесомо тело.

В этот вечер холодный, безбрежный
Вижу, как на простор выхожу,
Точно отблеск жизни нездешней,
Меж землей и небом между

Золотую – и хочется плакать,
И заветное что-то запеть.
Так родна эта ширь, эта слякоть,
Что листвою охота звенеть!

Дни мои, вы что песни короткие.
Я ни в чем не таюсь.
Буду тихою, буду кроткою,
Буду слушать любимую Русь.

Где обидели, где не обидели –
Жар в груди все равно не угас.
И за всех в пресвятой обители
Тихо молится светлый Спас.

Пламенеют верхушками чащи,
Я им в алую дымку кричу:
Пусть безвестные годы влачу,
Что есть кровного, настоящего –
Жить без этой земли не хочу!

РЯБИНОВЫЕ КОРАБЛИ

«... Сажает на святых местах рябину...»

Калевала

Что мне там видится-мерещится
То в чистом поле, у реки,
То над широким трактом плещется
Как золотые огоньки?

То исчезают, то появятся,
Зовут, зовут меня с собой.
Шатаются иль разгораются,
А все колдуют над душой!

Они видней в осеннем сумраке
Под шелест северных ветров.
Как бы волнующее, юное
Мельканье алых парусов.

Смотри! Смотри! – Из сказки ль гриновской
Они свеченье принесли,
И страстнотерпно в яви ринулись
Искать мечту, что не нашли?

То Беловодье, Либедия,
То Синегорье снятся нам,
И, зачарованные ими,
Живем мы грезой по ночам...

Освободясь от пут, от гавани,
Мечту я вправила в глаза,
Влилась легко в протоки дальние,
Лазурью вольною скользя.

Туда ль, где, розовея, пенится
Зарею раннею восток,
Под океанских волн кипение
С звездой, похожей на цветок?

Я проносила мимо, мимо,
Узнав и странно загрузив,
Что это – вызрели рябины,
Что их полно по всей Руси!

Все на синеющем, на черном
Алее трепет парусов
Между колоколов соборов
И островами городов.

Плывут по травяному морю
Рябиновые корабли,
Плывут по счастью и по горю
Всей неприкаянной земли!

Плывут, плывут – к какому устью?
О чем трубят, кому трубят?
На палубе людей негусто,
И без руля, и без команд.

Иной корабль под диким ветром
Идет ко дну – ан, нет, живой!
И увлекались пенным следом
Тела всех тех, кто смыт волной.

Так, свой последний праздник празднуя,
Уже их не догнать вдали,
Мигают мне огнями радостно
Рябиновые корабли.

Кружат дороги их незнамые,
Меня срывают за собой...
Куда спешите, окаянные?
В страну ль иную, свет иной?

И впрямь, забавный мы народ!
То рубим сгоряча иконы,
То крестимся, разбивши лоб,
В закон возводим беззаконье,

Чтоб выгрести на берег чужой,
Там не сыскать до гроба пристань,
И умирать отправиться домой,
Как господин из Сан-Франциско.

Такой раздрай! Такой скандал!
Русь постсоветская, ты ль это?
Течет на запад капитал,
И не даешь опять ответа.

Решаем жизнь, как принцы Датские:
Быть или не быть, а нас несет
То под бандитскую-кабацкую,
То под трагический аккорд.

Так что такое ты, загадочная,
Родная русская душа?
И сфинкс веков, и феникс сказочный,
И луч на крови палаша?

Эх, пропади, тоска былинная,
Коль все под полымем-огнем!
Любовь моя, страна рябиновая,
Куда ж нам плыть?
Куда плывем?

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

У них у всех – томик Данте
И французские «проклятые» поэты.
У них в груди – горевая Россия
И свои пути огневые.

Крещение муками под беспомощным небом
У них впереди – и посмертная слава.
Серебряный век засыпает всех
Серебряным снегом.

Половина лица у него – в тени,
Половина – под пушкинским солнцем.

* * *

Луч, что копьё, пронзает синий снег.
Заря мне пенный кубок подает,
На дне его – игристые метели.
Хрусталь искрист, хрусталь звенит про век,
И снег румянится, и снег поет,
Качаются вселенские качели!

А ты, кто говорил позавчера
О жизни и о смерти до утра,
На кухоньке с конфорки пунш снимая
Лицейский свой, с весельем поджигая,
Куда ушел? Придешь еще? – Ответь! –

Лежать и слушать земляную твердь,
Иль отстонать в постель после дуэли,
Иль сладко спать младенцем в колыбели?

* * *

Было время – целовали руки.
Босиком плясала на снегу.
...Пролетают лебеди округой
И зовут в далекую страну.

Не от них ли быстро так светает
В голубую сказочную рань,
Сердце чаще биться начинает,
Вспыхивает на окне герань?

Я пойду, пойду да погуляю –
Край родимый сердце веселит!
Я березоньку не заломаю,
Пусть листвою радостно шумит.

Пропадая в светлые долины,
Обнимая лиственную медь,
На осенней родине любимой
Есть что вспомнить, есть про что запеть.

Жизнь не зря волнующе-прекрасна
И была, как в мире повелось,
Горько-сладкой, что калины красной,
Что калины по морозцу гроздь.

* * *

Стынут тяжелые ели.
Дрожь по березам прошла.
Помню себя с колыбели –
Жизнь, ты была? Не была?

Свет мой, щемяще-вечерний,
Все про судьбу расскажи!
Помню, была я весенней,
Ветром носилась по ржи!

В травах мечтала на звезды,
Сердце просило любви.
Прыгала в Волгу с откоса
Под голубые струи.

Помню разруху, усталость.
Войны, бессмысленность зла...
Все, чем горды, что держало,
Скрыла проклятая мгла.

Вот и смеюсь – не рыдаю
С опытом жизни своей:
Хуже, чем люди, не знаю,
Лучше не знаю зверей.

Свет мой, щемяще-вечерний,
Что там еще впереди?
Что-то остыло веселье
В болью пронзенной груди.

Там – за верхушками елей -
Даль нестерпимо светла!
Белая дымка метели
На душу песней легла.

МАРШ МЕРТВЕЦОВ

Я по памяти лучше рисую
И по памяти лучше пою.
Вот пришли, шепчут мне: «Аллилуйя!» -
Вы явились по душу мою?

«Нет! - они отвечают – явились,
Чтоб остаться нам в песне твоей.
Видишь, росы вокруг ног огневые,
На ногах – злая россыпь камней?»

Боже правый! Вас толпы и толпы!
И над Черного моря водой
Вижу мучеников ореолы –
И седую трясую головой.

Это было, в забвенье не сплыло,
И в затертые новью года
Память Фрунзе призыв сохранила,
Память бьет, как в воде провода:

«Вы не белые больше , ребята,
Мы вас ждем, мы ж единой крови...»
Шли они – офицеры, солдаты
И сдавали винтовки свои.

Двадцать тысяч тогда утопили,
Всех связали, чтоб всплыть не смогли.
Камни к босым ногам прикрутили –
Стоном черные волны пошли!

Белла Кун и Землячка старались.
Фрунзе позже стреляться хотел.

Долго мучила совесть едва ли
С прорвой новых карательских дел.

И колышутся воды морские,
А на дне все стоят – к ряду ряд,
Будто там маршируют живые,
Будто это последний парад.

Слышу их голоса в стройном хоре
Под закат поминального дня.
Снова Черное море как горе
С головой накрывает меня.

И не сплю по ночам, и тоскую,
И трясу головою седой.
И над ними шепчу: Аллилуйя!
Со святыми Господь упокой.

ОБРЯД

Старуха мылит голову ребенку,
А он сидит в тазу с водой – и рад.
Взбивает пену бойкою ручонкой
И шарики воздушные летят.

Как печка, солнце жаром пышет в окна.
Мать с полотенцем рядышком стоит.
Седая прядь от пота вся промокла
У старой, крестик на груди блестит.

Смеется мать: «Стряхнем песок полуды,
Коленки в ссадинах отмоем от пыли.
Таким-то чистым да пригожим будешь,
Что как бы журавли не унесли!»

В рубашках белых, продувных и длинных,
Они, как жрицы, вечное творят:
Купания привычный и старинный
В родном доме свершается обряд.

Пребудет вечно жизнь! Она пробьется
Хоть деревцем, хоть сквозь асфальт ростком.
Распни, сожги – и снова соберется
В единое. Поставит на своем.

Какие залпы бы не грохотали,
Какие б вести не донес эфир,
Рождается дитя – и изначально
Невинно и бесстрашно входит в мир.

ИСТОРИЧЕСКИЕ БАЛЛАДЫ

САИД

(По запискам А. Грибоедова)

Видел я в ночном тумане,
Я в ночном тумане видел:
Неприятель ко Стамбулу
Грозной тучей подошел.
Он шатры свои расставил,
Запалил свои кострища,
И его несметно войско –
Не окинет даже взор.

За стеною городскою
Прочернел глава Стамбульский,
Ходит, ходит, стонет, стонет:
«Утром все поляжем мы,

Нету силы против силы,
Не потянем против войска,
Хоть бесстрашно выйдем биться,
Точно тигры, точно львы!»

Тут к нему седобородый
Подошел с поклоном старец,
И такое слово молвит,
Так со вздохом говорит:
«Разыщи скорей Саида,
Посылай за ним скорее,
На него лишь вся надежда,
Он погибель отведет».

Я в ночном тумане видел,
Видел я в ночном тумане:
Привели к стене Саида,
В рваном платье старика.
Он велит шатер раскинуть,
Воску мягкого доставить,
Он велит всем удалиться,
Чтобы делу не мешать.

Сам Саид в шатер заходит,
Там надолго остается.
Лепит куколку из воска,
Шепчет, шепчет он над ней.
И недрогнувшей рукою
Протыкает он иглою
Сердце, печень с головою –
Вот что делает Саид.

Из шатра идет, шатаясь,
И без слова, и без взгляда

Исчезает вдруг в ночи...
В эту ночь готовят стрелы,
В эту ночь все точат сабли,
В эту ночь перед сраженьем
В тихом городе не спят.

Видел в сером я тумане,
Я перед рассветом видел,
Как снимался неприятель,
Как сворачивал шатры,
Как истаял грозной тучей,
Как развеялся он дымом,
И к утру перед Стамбулом –
Только головни кострищ.

Было это, это было
В стародавние года,
И оставило сказанье,
Что прошло через века.

АЛЕНА ИЗ АРЗАМАСА

Старица Алена
Мочила сапожок,
Старица Алена
Садилась в челнок.
Старице мечталось –
К волжским волнам,
К Разинским узорным
Красным челнам!
Старица Алена
Садилась на коня,
Меч-булат на поясе,
Взгляд из огня.

Из огня и стали –
Против господ.
Монашеская ряса
Зипуны ведет.
Со старицей шесть тысяч
Крепких крестьян.
Девой-атаманом
Раскинут стан.
Время удалое
Не вернется вспять –
Кланялся Алене
Темников-град.
На верховном месте
В кругу сидит,
Все суды по правде
Она вершит.

По лесам и весям –
Народный плач.
Посылает войско
Разинцев палач.
Сколь могли – давали
Крестьяне отпор.
Предана, разбита
Укрылась в собор.
Расстреляла стрелы,
Отшвырнула сталь.
С воздетыми руками
Пала на алтарь.
Как окаменела
От злых измен...
Так ее солдаты
Захватили в плен.
Не нашелся в войске,

Хоть князь Долгоруки,
Кто бы натянуть смог
Аленин лук!
Вот вам ваша правда
С кровью на челе! –
Рябчикова горка,
Крестьяне в петле.

С утра на площадь главную
Солому прут.
На площади солдатами
Поставлен сруб.
Сжигать колдунью-старицу
В цепях ведут.
Сама Алена впрыгнула
В сплошной огонь,
Ни разу не послышался
Ни крик, ни стон.
Не нашли ни косточки,
Ни литых цепей.
Но зато запомнилось
Сказанное ей:
«Если бы не предали,
Кто в чинах сидят,
Князь бы Долгорукий
Повернул назад!»
Не забылся подвиг,
Имя на устах.
Старица Алена,
Русская Д' Арк.

МОНАХ

Как монах из далекой России пришел,
Постучал в двери храма тибетского.
«Я хочу жить у вас, набираться ума,
Вы примите к себе меня, братия».

Ростом был невелик, кряжист и коренаст,
В пыльном, черном до пят одеянии,
И сиял с широченной груди его крест,
И глаза его были бесстрашные.

И покуда велели стоять, где стоял,
У преддверия храма тибетского,
Он одно повторил, оглядев монастырь:
«Я пришел за ученьем, за знаньями».

И покуда он ждал, рылись в книгах они,
Те служители храма тибетского,
Наконец-то старинную книгу нашли,
А в ней памятку им в назидание.

«...Как от Русской земли встал монах Пересвет
Перед битвой ли той Куликовскою,
Супротив же его – их монах Челубей
Встал от войска татаро-монгольского.

Великан Челубей славен силой своей,
Тайным знанием и победами.
Пересвет же – единой любовью своей
И молением за горькую родину.

И схватились они – и у всех на глазах
Оба тотчас попадали замертво.

Но, как сноп, Челубей повалился в свой стан –
Знак недобрый для полчища вражия».

Ну а что было дальше – расскажет любой,
Все по летописям перечитано.
Русь себя собрала, на борьбу подняла
С Куликовскою грозною битвою...

Так и случилось, что ожило эхо в горах
Сквозь века с Пересветовым именем.
И молчком пред пришедшим захлопнули дверь
Те служители храма тибетского.

ПАРАША ЖЕМЧУГОВА

Ах, Параша Жемчугова!
Прилетел Зоил.
И весеннее Кусково
Дождиком поил.

Что духов разлито море,
Задыхал Эфир.
И на счастье и на горе
Ты выходишь в мир.

Мир трагедии, Параша.
Опера, балет.
Роза рдеет за корсажем.
И двенадцать лет.

Кузнецова, Горбунова –
Ангел красоты -
Жемчугова, Ковалева –
Все ты, дочка крепостного,
Все, Параша, ты.

Стала чем в веках немилых?
Сяду на скамью.
Может, просто возвратилась
К звездам, как в семью?

Где ты, что ты там, над нами?
Небо, облака.
Или машет кружевами
Женская рука?

Вспоминаешь ли когда-то
Горести любви
И платок, к губам прижатый,
В капельках крови?

Кратких лет очарованье,
Славу, что в былом,
С графом грустное венчанье,
От людей тайком?

Только слышно: в небосводе
Воздуха поют
И твой ангельский выводит
Арию свою.

Лишь гласит плита в унынье
И для всех впервой:
«Здесь... Прасковии... графини
Шереметевой...»

БАББИ ПРИПЕВКИ

(По воспоминаниям моей бабушки)

ЦВЕТОВ РАЗГОВОР

Под окном толковали цветы –
Клевер, ты в красной шапке,
Тебе-то что? - вздыхала ромашка,
А я – белая, мне страшно.

Встрял в сиреновой шляпе мак:
А я- пан, я пропал!
А я – бедняк- говорил подорожник –
К тому ж - зеленый, не тронут может...

- Мы, астры, на вид - богачки...
Раскулачат - и в Сибирь, на «дачу»...
Шел шелест от одного к другому,
Когда комиссары свернули к дому.

ГОЛОВА

Приходили белочехи...
И схорон муки нашли...
Так хозяина зачем-то
За околицу свели...

Ребятишки подследили –
По селу пошла молва:
В рост живьем его зарыли,
Лишь торчала голова.

Всем в острастку показали:
Мол, и с вами может быть.

А родные побоялись
Даже к месту подходить.

КОЛОСОК

Колосок мой, колосок,
Недожатый в поле,
За тебя, мой колосок,
Я была в неволе.

Ночка темная была,
Ночкой я тебя рвала,
Чтобы деток накормить,
Жар у дочки остудить.

Суд за злая кутерьма,
Конвоиры да тюрьма,
С фронта муж письма не шлет,
Сердце мне на части рвет.

Конвоир мой, конвоир,
Отпусти меня домой,
Детки – по миру с сумой,
Детки сирые мои.

ГАРМОНИСТ

Гармонист ты, гармонист,
Ты сыграй-ка нам на бис,
Чтобы свет-Прасковия
Шевельнула бровию!

Милые подруженьки
Спели бы «Катюшеньку»,

Про калину красную,
Про любовь несчастную.

Вон береза гонит лист
И сережки завились.
Где ж ты, Ваня-гармонист?
Поскорее отзовись!

«В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый...» -
На московском на снегу...
Все, я больше не могу.

БАРЫНЯ

Гонят девок рыть траншеи,
Дождик хлещет не жалея.

Расступись-ка народ,
Манька- барыня идет!

Как у Маньки есть штаны
От простуды, от войны.

А у нас с тобою нет-
Ну и нет, так нет-
Все одно на всех сто бед.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Сборщики налогов селом идут. —
Занавески вздернутся и замрут.
У кого каравай в печи —
Вынимай, им в мешок мечи!

Землю тыкали вокруг ножом –
Не припрятала что тайком?
Не упрашивай, не рыдай –
Отнимут все, перебьешься, чай.

И пускай во дворе ни птички –
Плати налог за яички.
За мясо, хотя скотинушки нет,
За шерсть, раз явился на белый свет.

За сметанку, маслице, мучку,
Хотя б желудок в голодной трясучке.
Все заберут. Лапотки отдай!
Иди на базар, свою шкуру продай!

Сборщики налогов запишут долги,
А ты им пикнуть в ответ не моги.
Взгляд волчий, сердца из стали, -
Государству, себе ли забрали...

Кто у власти,
Тот и у сласти.

Дети опухшие не кричат,
Они глазами мешок тот едят.
Обхватив руками голову,
Старик сидит,
Баба уронила руки в подол
И молчит.

В доме – ни крошки.
Смотрит луна в пустое окошко.
Ложись, помирай.
Рай на земле, истинный рай!

АСЕПТИЧЕСКАЯ АНГИНА

Мерзлая картошка, скольких ты спасла!
Скольких ты сгубила – нету им числа!
Мерзлая картошка, как тебя найдут
В зимнем мертвом поле, так домой несут.

Черною лепешкой животы набьют
И кого-то утром на погост везут...
И косить ангина от тебя пошла,
Складывали горкой посреди села.

Потому что силу надо, чтоб зарыть.
И не успевали мертвых хоронить...

ТРАВЫ

Поднялась с земли отава –
Напоила синева!
Одуванчик – лист гарькавый,
Выше – жирная трава.

Лопухи, репей, солодка,
Та, в чьем имени беда, -
Мать-царица лет голодных,
Молодая лебеда.

И рецепт у блюд все тот же –
Только бы не уморить-
Из березовых сережек,
Из листочков и коры.

Было, детки по незнанию

Да и больно голодны,
Позабыв запреты мамыны,
Наедались белены...

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ

Поставили столы
На улице широкой –
Деревня-то вся в улицу, считай.
Поставили супы
В тарелках неглубоких
И настоящий хлеба каравай.

И потянулись люди с голодухи,
Опухшие – аж боязно смотреть!
Все больше дети, старики, старухи,
Кого еще не выкосила смерть.

Качается мужик -
Идет, большой и черный.
«Пять ден не ел» –
Губами шелестнул.
Хватает хлеб скорей,
И зубы вместе с коркой
Глодает, не жуя,
В минуточку одну.

«Нельзя! Остановись!» –
Кричит сестра с раздачи.
А он к груди прижал
И ест, и ест, и плачет...
И руки не разжав,
Вдруг замертво упал.

Какие времена,
Какие страсти были!
Его вот изо всех доньне помню я...
Ему ведь говорили,
Ему ведь говорили,
Что нельзя.

В ТАБОРЕ

Памяти А.В. Лепешкиной

Наш поезд шел на Сахалин
И путь был длин.
Я к мужу ехала с восьми
Детьми.

Но тут проклятая война,
А я с детьми одна.
Цыганский табор нас пригрел,
Обул, одел.

А дети вечно просят есть.
А людям надо с фронта весть.
У каждого жена иль мать...
Взялась я им гадать.

Я прятала в карман вальтов:
Ваш сын иль муж сейчас здоров
И защищает милый кров,
Разит врагов.

Кто даст картошку, хлебца чуть –
Все в животах урчит.
«До первой травки б дотянуть!» -
Цыганка говорит...

А у меня душа болит:
Уж младшенький в земле лежит.
А как полям зазеленеть,
Все начали слабеть.

Их всех, их всех земля взяла!
Уж после весточка пришла:
Ваш муж был храбрый капитан,
Погиб от ран.

С тех пор я трубочку курю,
В оборках юбочку ношу
И потайной большой карман
Всегда для хлебушка пришью.

А как зеленая трава,
То я заплаканной хожу,
Я эту первую траву
Всегда слезами оболую.

И не найти родней земли,
Чем тут, где все мои легли,
Где слышу русскую я речь,
Где рядом лечь.

СЛЕЗИНКИ

* * *

Оказались среди бою,
С мамкой сели в яму - глядь:
Встала лошадь в сером поле,
Все сечет свинцовый град.

* * *

Со скотинкой в лес сбежали,
Жег фашист дома пока,
А мороз-то брал бока...
Коровешки кругом встали
И дышали на телка.

* * *

Залетает самолетик
Нас в пшенице пострелять.
Головешку спрячу в ямку –
И опять скорее жать.

* * *

С молоком ворочать фляги
Не девчоночьи дела.
На себе их натаскалась
И себя надорвала.

* * *

Вот была скороговорка
Среди беженок-девах:
Снять нательную рубашку-
Швы во вшах, и вши во швах.

* * *

И в тылу была война –
Крововыжималочка.

Мы пахали за волов,
Получали палочки.

* * *

Я в налоге за бездетность
Неуплатною пошла.
Липовым листком кормилась
И под липой померла.

* * *

Ребятишки лес валили
По морозу на дрова.
Их к телеге мы вязали,
Чтоб доехали сперва.

* * *

С детства рученьки изломаны,
Запеклись до черноты.
Ох, кровавая солома,
И кровавые скирды!

«СВЯТАЯ АННА»

Поэма

Виктору Кизилову

Часть первая.

Санкт-Петербург. Набережная Невы. 1912 год.

* * *

Стояла красавица,
Стройная, легкая,
Словно невеста
У бережка –
Шхуна Брусилова,
Ох, белобокая,
Высмотренная,
Высватанная на торгах!

Весь день грузили
Припасы на борт:
Тушенку, сгущенку,
Капусту квашенную
И прочую снедь.

А закат был желт.
Матрос пред матросом
Стоял да выпрашивал:
«В Арктику, значитца,
К белым медведям?
Тройное жалованье
Выдадут нам?»

...А что жа, что жа
Сидеть по домам? –
Лучше вернуться,
Край света изведав!»

Второй матрос:

«Брусилов наш –
О-го-го морячок!
Пока нас всех
Разбирала досада,
Выкрутил деньги
В последний срок –
Это же надо!

Дала богачка. ..
Чуть не забыл:
Прельстив пушниной ее,
Почетом,
Корабль он в честь нее
Окрестил
“Анною”».

Первый матрос:

«Да хоть чертом!
Как ты считаешь,
Впрямь подфартит –
Откроем такие земли –
Пусть плятятся!
Мыс Брусилова –
Что, звучит?»

Второй матрос:

«Брусилов идет!
Браток, затыкаемся!»

Первый матрос, вглядываясь:

«С барышней...
Сам в белом кителе...
Это Ирминия.
Имя – французское?
Целует ее!
Чур, нас тут не видели.
Само собой,
Без нас обойдутся.»

Брусилов – Ирминии:

«Сейчас изнутри
Покажу корабль.
Зверобойная шхуна!
Не правда ль, чудная?
Подвезти до Архангельска
Буду рад.
Жду вас с подругой
Раненько утром!»

Часть вторая.

Толпа провожающих на берегу. Звуки марша. Обрывки разговоров.

* * *

Господин в пенсне:

«Сошли с ума! –
В ледяной покров,

На верную гибель
В суденьшке!
Еще не нашли
Предыдущих сорвиголов
Лейтенанта Седова же!»

Кадет:

«Ну что вы каркаете?
Мы,
Слава Господу,
Не на тризне.
Это герои наши –
Они
Жертвуют всем
На алтарь отчизны!»

В плаванье,
Вся ликуя,
Пошла от Невы
«Пандора»,
Перекрещенная
В «Анну святую»,
Как ящик,
Набитый горем.

Никто не открыл еще
Дверцу.
Плывет под российским
Флагом.
Но у команды
Сердце
Екает в горькой
Отваге.

Сентябрьские воды
Льются.
Архангельск –
И морем – дальше.
Сбежал, кто праздновал
Труса.
Остались те,
Кто без фальши.

Лед подступает
К водам.
Зимовки никто
Не боится.
Нансеновской
Породы
Русская экспедиция!

*Письмо Ирминии Жданко родителям
с Маточкина шара, переправленное с оказией.*

Я знаю:
Меня вы поймете.
Видно,
Такой характер!
Недавно
Рвалась я на фронте
Стать медсестрой
Старательной...

Здесь – ни врача,
Ни помощника
Записывать,
Делать замеры.

Должны быть
Данные точные
Воды морской
Непрерывно.

Подружка сошла
В Архангельске,
А я с командой
Осталась. —
Я не могу быть
Предательницей.
Оставить без помощи —
Жалко!

Простите меня,
Свою веточку.
Скучаю. Люблю.
Не в простуде.
Шлю вам вот эту
Веточку:
Больше вестей
Не будет.

Часть третья.
Во льдах. На краю света.

Первый матрос:

«У, как воеет пурга!
К черту на рога
Принесло нас сюда,
Горемычных.
А все Брусиллов!
Легко тогда

Было думать,
Что все отлично!

Капитан наш болен.
И все мы больны...»

Второй матрос:

«С личинками
Медвежатины!
Но –
Ведь надо же –
Это знаем все мы –
Чем-то питаться...»

Первый матрос:

«Капитан со штурманом –
В контрах.
Ох-хо-хо...
Ах, –
В раскаленном воздухе
До весны
Нож блеснет обязательно!
Иль в полынью помогут
Оступиться –
И был таков.»

Второй матрос:

«Капитан так и так
Будет скоро готов.
Я завтра уйду со штурманом
Пробиваться

Сквозь эти ужасные льды,
Где ночь, мороз и беда.»

Первый матрос:

«Затерты торосами,
Точно зайцы!
Дожить бы,
Дожить бы до таянья льда!»

Второй матрос:

«А где-то тепло,
Ходят девушки и улыбаются...
Каким дураком был я,
Пустившись сюда!»

Третий матрос:

«Нет, я до конца
Буду при нашей «Анне».
Я – человек чести –
Нельзя
Бросать лежачих товарищей!

Даст Бог,
В обратный путь сил достанет,
Даст Бог,
Поглядим родимым в глаза,
Выпьем за всех
По чарочке...»

Шхуна,
Затертая льдами,

Скрипит,
Вот-вот –
И разломится.
Команда не спит.
Капитан не спит.
Пурга, словно зверь,
Внутри ломится.

Молитва Брусилова

Господи!
Я распростерт,
Как червь,
Пред Тобой,
Обморожен,
Накрыт лохмотьями...
Но мы прошли этот путь,
Боже мой,
Русскими первопроходцами!

Господи!
Пусть я грешник,
Грешник перед Тобой ,
Но пощади
Эту женщину,
Ставшую мне женой!

Пусть разорвут меня
В клочья
Все, кого вел далеко...
Спаси
Эту мамину дочку,
На губах у которой еще –
Молочко!

С голодухи ль,
С болезни,
Иль от резни,
Иль задерут медведи, –
Со мной –
Не тyani!

Кем для Тебя бы я
Не был,
Сделал,
Что было в мечтах:
Здесь, под полярным небом,
Реет российский флаг!

Заклинаю Тебя
Во имя
Девы святой Марии,
Честью рода
Старинного:
Жизнь сбереги Ирминии...

*Часть четвертая.
Спасение штурмана Альбанова.*

Видение Альбанова

«Не надо расспрашивать,
Люди, не надо!
Я все равно
Не скажу ничего.
Я точно помешанный,
Мне ль до бравады?
Я даже пред смертью
Увижу его:

Корабль белоснежный,
Родимую «Аннушку»,
И всех, кто остался
На волю судьбы.
Не знаю, что с ними,
Хоть весточку б малую!
Мой мозг изожгли
Злые вечные льды...

Лишь помню: вкипело,
Как будто впервой:
Надежде конец..
Настало отчаянье.
Бескрайних снегов
Роковое блистанье.
Упал я и думал
Под ветра вой:

Замороженным яблоком,
Что ль, тут сгнить?
Или сразу
Пойти на дно?
Время кончилось!
Ночь, полярная ночь,
Ты хоть мне помоги!

Я так трудно,
Теряя отряд свой, шел
К спасенью,
Как загнанный зверь.
Не поздно назад
Повернуть еще,
На «Аннушку», – но,
Но ведь –

И там ничего не ждет,
Кроме смерти!
О, какое лицо твое
Жуткое, смерть!
Я его вижу близко:
С болезни,
С голоду, с холода
У- ме - реть...

Проклятье!
И вдруг –
Человеческий голос!
И глядь: предо мною
Седой старичок!
«Вставай !
– Говорит –
Терпеть уж недолго...
Иди –
И будет все хорошо.»

И он указал,
Куда и как надо.
Я встал и побрел
За взмахнувшей рукой...
Я понял, кто это –
Никола Морской!
Вот так я и вышел
Из белого ада...

До первых людей,
До святых берегов!
А больше спрашивать,
Люди, не надо,

Не надо трогать
Уже ничего.

Лишь ярким пятном:
Быстрая, легкая,
Словно невеста у бережка,
Шхуна Брусилова –
Ох, белобокая!
Высмотренная,
Высватанная на торгах!

Часть пятая.
2003-2008 годы.
Санкт-Петербург. Ночь.

Выпускник морского инженерного училища
Владимир Петров – «Святой Анне»:

«Великомученица,
«Святая Анна»!
Пусть ты –
Всего лишь корабль,
Ты – моя
Незажившая рана.
Я – твой
Твой несчастный раб.

Вновь на земле –
Декабрь...
Только метель
Рукавом повеяла, –
Снега с небес
Потекли...
Кажется мне,

Что, моя белая,
Плывешь ко мне
Издали...

«Святая Анна»,
Великомученица,
Тайна ста лет
И мгла,
Дай мне от тебя
Отмучиться:
Ты же с ума свела!

Что случилось –
Узнать мне хочется,
Я хочу убедиться сам,
С тобой и с полярниками
Бессрочными –
Не по штурмановским дневникам!

Все вы исчезли
В белом тумане...
Ничего, никого –
Лишь слезы в глазах.
Вы даже не знаете,
Что надо льдами
Снова забился
Российский флаг!

Я по льдистой
Арктической простыни
Ночами ищу твой путь...

Дай и ей Ты, бедной,
О Господи,
Открыться кому-нибудь».

СКАЗ ПРО ИНДУСА

Ой, ты господи боже Иисусе!
Расскажу о залетном индуесе,
Что до жара в глазах по весне
Возмечтал о далекой стране.

О Руси голубой, неизвестной,
Что манила прекрасной невестой.
Журавли к ней летели и гуси
И звенели незримые гусли.

Был ли он очарованный гений
Иль проснулись забытые гены,
Ведь когда-то давненько, учтите,
Говорили и мы на санскрите.

От индийского зноя и хмари
Пришагал он до волжских Булгаров.
Царь заслушался повестью дивной,
Возлюбил он индуса, как сына.

Вот проходит зима и другая.
Царь же с гостя очей не спускает.
А красив тот индус был безмерно,
Поглядеть – настоящий царевич.

А послушать – мудрей его речи
Не найти во вселенной, конечно.
Только что-то невесел он ходит
При беседах, пирах, при народе.

Уж не радует снег серебристый,
Что на черные кудри ложится,
Что глаза его – сизые сливы –
Снятся дочке царевой счастливой

Своей юной и первой любовью.
Хмурит он свои жгучие брови.
Даже вечером ветренным поздним
Все стоит под высокой березой

И на смуглой щеке догорая,
Грустно тает снежинка резная.
И тогда его царь призывает.
Так ему говорит, отпуская:

«Вижу, что ты тоскуешь, как пленный,
Что не надо казны и царевны.
Знаю, хочешь спуститься по Волге –
Этот путь и опасный, и долгий.

Ничего не поделает с тобою.
Что ж – ступай за своею судьбою»!
Над рекой задымились леснины,
Вдаль уносит веселые льдины.

Гомон птиц по утрам, песни ветра,
Солнце мечет злаченные стрелы.
То не кудри ветра завивали –
То с холма топоры застучали,

Обгоняя в работе друг дружку
И соря сладкой желтою стружкой.
В срок ладьи на стремнину спустили
И дружиной по Волге поплыли.

Среди прочих – индус смуглоликий,
Весь осыпанный солнышка бликами.
Как вдохнул он речной свежий воздух,
Так простился навеки с неволей.

Громко песнь над волнами несется,
В камышах берегов отдается.
Тут, где викинги тропы торили,
Скандинавы с товаром ходили,

И под синью куда ни взглянуть –
Вот он, волжский прославленный
путь!
Те монеты десятого века
Будем мы находить, статуэтки,

Даже фибулы с древнею руной,
Шевеля того времени струны.
Только сказ сам собою ведется
И опять он к индусу вернется.

Говорит он: «О царские люди!
Плечи – сажень, железные груди!
Скоро всем нам придется несладко,
Нападет на нас вражья ватага.

Приготовьтесь достойно ответить
Вы, привычные к риску и смерти»!
Ко всему стали люди готовы,
Все случилось по вещему слову...

Крики стихли в просторах бездонных
И разбойники сгнули в волнах.

И дивилась премного дружина
На индуса с умом исполина.

Говорит он: «Сейчас мы пристанем,
Станем клад отрывать под камнями.
Здесь монеты свои золотые
Закопали купцы Византии».

Клад явился глазам пред рассветом.
Но индус не коснулся монеты.
«Знать, нельзя ему, братья, иначе,
потому он и мыслью богаче»!

И дивилась премного дружина
На индуса с умом исполина.
Говорит он: «О добрые люди!
Вам открою, что дарят вам будни».
– Знай, – к старшему индус обратился,
Сын твой ночью на свет появился.
А тебя, – обернулся к другому, –
Ждет невеста прекрасная дома,

Но не та, о которой ты думал –
Эта боль поутихнет без шума.
И дивилась премного дружина
На индуса с умом исполина.

Много дней и ночей коротали,
Наконец они к суше пристали,
Где краснели чудесные сосны
Да качались под ветром с откоса.

Сел мудрец под ветвистою тенью.
Пали воины все на колени.

И сосну, что всех краше, склоняли,
Так они с ним навеки прощались.

Тот, кто к пышным речам был
привычней,
Молвил: «Есть у нас давний обычай:
Самых лучших к богам отправляем.
Мы за бога тебя почитаем.

Потому мы тебя, о, кудесник,
На сосне этой царской повесим»!
Как царю, ему почесть воздали,
Шею вервием вмиг обвязали

И уже на сосне серебристой
Он висит во сиянье лучистом!
Ой, ты господи боже Исусе!
Очень жалко беднягу индуса.

Лучший – богу угодней придется,
Между нами он не заживется.
Под сосенкой потру я по шее:
Так умеют у нас и доселе.

СКАЗКА О КЛЮЧЕ

Юрию Кузнецову.

1.

Земля – замок, а ключ – он в небесах,
Закинул тот, кто знает в чудесах.

Хотела ключ я от замка найти,
Чтоб угадать судьбы своей пути.

Сидел старик на краешке небес.
– Ключ от замка? А он на что тебе?

Уходит в облака твой вечный путь,
Ты облаков не сможешь отомкнуть!

Земля для неба. И дано вам жить,
Чтоб душу до высот его растить.

Из глаз его пролился синий луч
И в руки мне упал заветный ключ –

То было Слово и светилось Слово
От берега земли и до иного.

Я ключ взяла и по земле пошла,
Но видит бог, что ноша тяжела.

Оно цвело, и пело, и сияло,
Давило камнем, перышком взлетало.

То жгло огнем, то сковывало льдом,
И было сказкой, песней, вещим сном.

И горы расступались, и моря,
И разверзалась пропастью земля.

2.

Ища, где преклонить главу свою,
Я очутилась где-то на краю.

И люди в белом повлекли меня
Туда, на склон синеющего дня.

На берегу нас ждал высокий царь,
Чьи кудри золотились как янтарь.

Он восседал на серебристом троне
И он был волхв, затем и не в короне.

Струилась вдаль равнинная река
И я в царе узнала старика.

Он глянул грозно и взмахнул рукой
И – очи в очи – приказал мне: «Пой»!

Уста раскрылись говорить, но вдруг
Из них полился сам певучий звук

И я запела, что я все прошла,
Что времени река не зря текла.

Душа пути земные все узнала,
Душа нечеловечески устала.

И каждый в этом мире одинок,
И я ключом замкнула сей замок.

Я протянула руки, с коих снова
Вернулось к старцу золотое Слово.

Он взял его, опять взмахнул рукой
И мне промолвил: «Дальше, дальше пой»!

Ударил взглядом жгучим, как кнутом
И я себя забыла в плаче том,

Который смертных в горестях роднит,
Который всем живущим предстоит.

3.

Запела я, как умирает солдат,
Как в пламени люди живые кричат,

Как рушится взорванный нехристом дом,
Как женка рыдает о счастье своем,

Как черным становится платье невест,
А мать за сыном восходит на крест,

Как правит всем злато, как страшен мой век
И шире себя в своем зле человек,

Про мертвые реки, гниющую плоть,
Отравленный воздух – прости нас Господь!

Про медное небо, железную твердь,
Про ненависть, войны, предательство, смерть.

Старик молча слушал под плеск ветерка,
И долго шумела, волнуясь, река.

Главу запрокинув, недвижно сидел,
На темные воды потока глядел...

Все выше рос голос, он шел до небес,
Как будто земли настрадавшейся весть.

И вопль иступленный, а с ним и мольба –
Как будто архангела грянет труба!

И вот я умолкла. Равниной ночной
Послышался возглас его молодой:

«О светлом! Ведь светлое есть на земле»? –
Старик спросил, обернувшись ко мне.

И тут я запела, слезы не тая,
Как мать целовала младая меня,

Как зыбку ей ветер качать помогал
И с солнышком вместе меня обнимал.

Как я сорвала первый вешний цветок
И речи родимой глотнула глоток,

Как я красовалась своею весной,
Как милый в траве миловался со мной.

Как первенцу песни я пела свои,
Песни нежности и любви...

Как пахли цветы, и жужжали шмели,
Всю прелесть, красу и всю ласку земли!

И слезы мне были слаще, чем мед
И ближе, казалось мне, стал небосвод.

4.

И странный сон меня в минуту ту
Понес на легких крыльях в высоту.

А царский голос рядом зазвучал,
Слова, мне незнакомые, сказал –

И небеса пред ними разошлись,
Горячим светом озарилась высь.

По локоть, по колено в серебре,
Мы оказались на большой горе.

Так близко перекачивался гром
Железной бочкой в воздухе тугом.

И молнии задорные играли
Узорами на синем одеяле.

Сама гора сверкала, что есть мочи.
Прикрыла я рукой от страха очи.

«Да, мы стоим с тобой на небосводе! –
Сказал старик – просящему дается.

Здесь кузница громов и ветряка,
Здесь мелется небесная мука

И тучи, что коровы, из сосков
На землю цедят мед и молоко.

И молнии отсюда к вам летят –
От них живородящий мир зачат.

А Слова не ищи – оно слилось
С сияньем этим, будет после гроз

Тебе теперь особенная прыть
Златою нитью песнь свою прошить.

Теперь открою я твою судьбу,
Из Книги – буквиц древнюю резьбу.

Сверкает ясносветлая гора,
Здесь трудятся над Словом мастера.

Могу сейчас их двери отворить,
Но ты уйдешь назад – любить и жить.

Теперь запомни ты, что смерти нет
И каждый здесь – ученый иль поэт.

А все открытья, озаренья все
Спускаем в благодатной вам росе.

Что под землей – тебе не надо знать.
Что над горой – не сможешь ты понять.

Изрек старик: «Все больше зла на свете!
И скоро каждый за себя ответит.

Христос и Богородица сошли
И ходят среди грешников земли.

И враг своих от века тоже метит –
Смотри, не попадайся в эти сети!

Сейчас твой путь ухищен будет далью,
Я след на память на челе оставлю.

Провел он пальцем, точно жар-углем –
Морщина резко пролегла на нем.

И синим огоньком глаза обвел,
Затем дохнул – и свет в меня вошел.

«Ступай, вставай на камень, и молись,
Соединяй собою даль и близь.

И стой, и слушай колокольный звон,
И утешай зверей, мужей и жен.

Тот звон, чтоб душу небом очищало,
В котором нет конца, но есть начало.

И помни, что сияет вечно Слово
От берега земли и до иного»!

Душа моя опять вернулась в тело,
И птичья трель над ухом прозвенела.

ЛЕГЕНДА О ПОДВИГЕ

*Посвящается Дмитрию Разумовскому
и его товарищам.*

Метели снежные вились,
в лицо снежком дымя.
К нему в застолье собрались
Давнишние друзья.

Сказал один ему: «Всего!
Чтоб генералом быть!
И в день рожденья твоего
Желаю долго жить!»

Сказал второй: «В устах молвы
Таков ты средь людей:
Нет холоднее головы
И сердца горячей!

Большие доллары дают
За голову твою,
А это значит – ты в строю,
Честь бережешь свою.

Наш долг – отчизну защищать. -
Позиций не сдавать!
И как стоял за правду-мать,
Так до конца стоять!»

А третий так сказал: «В судьбе
Военной, огневой,
Чего желаешь сам себе,
Случится пусть с тобой!»

И Дмитрий молвил в свой черед:
«Предугадать нельзя,
Но заревом пылал восход,
Когда я родился.

Шепнули матери: «Вглядись
В метельный небосвод –
Как он, тревожной будет жизнь
У сына твоего...»

И я про все как будто знал
В далекие года...
Под песнь о родине всегда
Ребенком засыпал.

И заявлял еще, что я –
Военный, командир...
И все сбылось, мои друзья!
А нужен – только мир.

Друг у меня с заставы был
Там, в Пяндже, там, в горах.
Его, как многих, схоронил...
(Чечня ли, Карабах).

И с похорон привел жену –
Нашел судьбу солдат!
В копилку памяти одну –
Любовь и боль утрат.

И сын мой первый – Михаил –
В честь друга...
В этот снег

Давайте мы помянем всех,
Кто головы сложил...»

И чарки молча накрены,
Пролили спирт на стол,
А после выпили до дна.
Он дальше речь повел:

«За «Вымпел» выпить я хочу,
За «Вымпел» наш родной!
И я скажу, о чем молчу,
Желаю всей душой.

Я думаю про смерть свою:
Сражаясь б, встретить смерть!
Ведь это счастье – умереть
По-воински – в бою!»

И чарки сдвинули они,
Торжественно-светлы...
А вечер зажигал огни,
Плыла метель весны.

И мы пока оставим их
В беседе удалой.
Пусть дальше нас уносит стих –
Крылатый конь златой.

* * *

Святой Георгий на гербе
Запомнил речи те,
В свой час явился на горе
В смиренной простоте.

И там колена преклонил
И Господа молил,
Чтоб в плоть одел, как прежде был,
И к жизни возвратил:

«Я слышу стон, я слышу вой,
Литую поступь зла.
Когда-то я вступал с ним в бой –
И вновь беда пришла.

И чудом побежден был мной
Многоголовый змей!
Ценою жизни молодой
Я вызволил детей...

Вновь в лапах змея чья-то дочь,
Вновь в лапах – чей-то сын...
Спешу страдальцам я помочь,
Спешу сразиться с ним.

Я слышал речи удальцов,
Не ведавших концов,
Кому идти на смертный бой
И жертвовать собой.

Мне вместе с ними в битве быть,
Не дать уйти врагу.
Кому судьба остаться жить,
Тех охранить смогу».

И стал он в плоть свою одет
И к жизни возвращен.
Из-под руки Господней свет
Прорвал кольцо времен.

Он кликнул верного коня,
С земли поднял копьё,
Помчался в сторону огня,
Откуда стон идет.

И взор его как уголь горящ,
Из раны каплет кровь.
Мелькает алый древний плащ
Среди сентябрьских роц.

* * *

Когда кручина, боль, зло,
Кого куда ведет,
А воин глянет тяжело
И к матери идет.

Не сокол кличет у ворот,
Крылом бьет по дверям -
То сын явился на порог
К святым ее очам.

Порою видел он во снах,
Как у окна сидит,
Как за него терзает страх,
И так ей говорит:

«Не плачь, родная, обо мне,
Коль мне придется пасть
В чужой или нашей стороне –
На все Господня власть.

И на поминках не тужи,
Ведь я уже не здесь,

Ведь я ушел в иную жизнь,
Она, конечно, есть».

И говорил он, уходя:
«Я делал все, что мог.
Ты знаешь, как старался я,
Страну и вас берег».

И Дмитрий говорил своим,
Предчувствием томим:
«Те слезы - по себе текут -
Вы остаетесь тут...»

* * *

Вчера почти никто не знал
О городке в горах,
А утром мир весь закричал,
Как тысяча открылась ран:
Беслан!
Беслан!
Беслан!

Детишки утром в школу шли
С букетами цветов...
Теперь пощады им не жди
В плену боевиков.

Спортзал, где держат, молчалив:
Стоит заползший гад,
Лишь в масках головы торчат,
И автоматы под рукой,
И на педаль – одной ногой –
Убрать – раздастся взрыв.

И трое суток ни воды,
Ни крошки не дают.
Грозят расстрелом.
А отцы,
А матери все ждут
На школьном горестном дворе,
Когда допустят к детворе.

Переговоры все
К добру
Ни шага не ведут.
Боевики, как черный спрут,
Москвы ответа ждут.

И «Альфа», «Вымпел» тоже тут,
Они команды ждут.
Гранатами бы – по врагам,
Но дети, дети там!

Так ожидание томит,
Что камнем в воздухе висит,
Эфир пропитан весь тоской
И дышится бедой...

Святой Георгий на коне
Влетел в толпу стрелой.
И видит школу он в огне,
И слышит взрыв,
Второй...

Обрушилась стена в чаду,
Бегущим -
Пули вслед,

В творимом нечистью аду
Нигде спасенья нет.

И рушатся уже сердца
У матери и у отца,
И у седых учителей,
Что не покинули детей.

Тут Дмитрий Разумовский встал
Под шквал железа,
Показал,
Где снайперы сидят, -
Спецназ разил подряд.
Протянута ладонь –
Огонь!
Огонь!
Огонь!

Раскрыты ящики – бери
Патроны
И стреляй, беги,
Чтоб вывести всех остальных,
Оставшихся в живых.

И вот,
Трагедии истцы,
Идут на штурм его бойцы
Так – в рост и не таясь.

В них кровь от гнева запеклась.
Выносит маленьких спецназ,
Собой от пуль прикрыв.
Сквозь огонь, и крик,
Сквозь взрыв.

* * *

Расскажет раненый потом:
«Я видел всадника... постой...
Иль это снится мне? –
Победоносец на коне
В той схватке был со мной.

Осколки отметал плащом -
Был плащ багряно-ал...
Он нас, десантников, спасал,
А мы шли напролом...

Я понял, понял о былом,
Открылся свет во мгле:
Война небес - добра со злом -
Идет и на земле.

Георгий, - он в бреду шептал-
Я войска твоего!»
А утром в госпитале встал –
Не помнит ничего.

* * *

...И плащ мелькал, как блик огня,
Где разгорался бой.
Воистину людей собой
Святой наш заслонял.

Он Дмитрия хранил, молясь:
Все пули – невпопад.
И он их отсылал назад,
Пока не грянул час.

И Разумовский вдруг сказал:
«Ребята, зацепило...»
На землю взрытую упал,
Упал, теряя силы.

Святой Георгий, сам не свой,
Помыслил средь скорбей:
Ценою жизни молодой
Он вызволял детей.

Ценою жизни молодой -
И смертью смерть поправ.
И умер, как желал герой –
В сражении в горах...

* * *

В часовне горестной темно,
Лишь свечечки горят
И скорбно образа глядят -
Им тоже тяжело.

Владыка Феофан закрыл
Погибшему глаза,
Как подобает, положил
Его под образа.

И отпевания обряд
Свершил, боля душой.
И скоро новых павших в ряд
Кладут в часовне той.

И молвил Феофан: « Как шли,
Детишек закрывая,

А пули в спины им неслись –
Я видел сам, я знаю...

И в этом подвиге святом
Их гибель не пугала.
Тут в них над бранным животом
Душа возобладала».

* * *

Святой Георгий – грянул час,
Когда судьба зовет! -
Туда, где чернота вилась,
Метнул свое копьё!

Раздался шип, ужасный рык,
Предсмертный хрип тоски,
И змей, пронзенный в тот же миг,
Распался на куски.

А сам святой, изрешечен,
Уже от свежих ран
Своею кровью окроплен, -
Бессилен, бездыхан.

Волшебное копьё взвилось,
Сквозь время протекло,
Дрожа, со свистом пронеслось
И в глубь времен ушло.

Святого вынес верный конь,
Где принят первый бой.
Из мертвых вновь восстал святой,
Замкнув кольцо времен.

Но плоть земле он возвращал,
А душу Господу отдал.
И в прежнем образе теперь
Сияет на гербе.

* * *

Сияет подвиг в синеве,
Что солнышко для глаз.
Спасибо, «Альфа», «Вымпел» - вязь
На выбитой стене.

И в каждом подвиге, как весть,
Благая весть небес,
Превыше жизни что-то есть,
Превыше смерти есть.

Чем человек всегда высок? –
В нем заключенным духом...
И снова болью бьет в висок,
Как глянешь на разруху:

Руины школы на крови
И голоса детей,
Звонящих имена свои,
Ушедших в мир теней.

Сияет подвиг в синеве,
Что солнышко для глаз.
Спасибо, «Альфа», «Вымпел» - вязь
На выбитой стене.

* * *

Сплелись про подвиг сказка, были
В легенду, как одно.
В народной памяти ей быть
Отныне суждено.

Сыны уходят молча в бой
И слава их молчит.
И возвращаются порой,
Одетые в гранит.

В костюме из камня он одет,
Над Волгою стоит.
И память о последнем дне
В себе самом хранит.

Наш Дмитрий на родных ветрах,
С девчушкой на руках,
В прорыв – давно неведом страх –
Секунды на весах.

Готовый на смертельный риск -
И как стрела он весь.
И фоном – белый, черный диск –
То жизнь заходит в смерть.
Превыше жизни что-то есть,
Превыше смерти есть!

В какой стране еще растут
Такие сыновья?!
И каждый преклонится тут,
Замрет, как ты и я.

Прошел военную тропу,
И доблестен, и прям.
И знаком мужества в судьбу
Впечатано: Беслан.

ЗЛАТ-ПОЯС

Поэма

Белой горницей – хозяйский
Грузный шаг.
Тонкий вой и голос бабский
От жены в ушах.

Свадьбой отче озабочен.
Да и то сказать:
Непростое дело дочку
Замуж выдавать.

И про то еще полслова:
За кого? –
За Дмитрия Донского
Самого!

Что ж придумать всем на диво
Молодому в дар?
И пришло на ум счастливо:
Пояс-жар!

* * *

Снег под солнышком искрится
За окном.
Вносят труд свой мастерицы
В княжий дом.

Глаз не ответит невеста:
Вот так да!
Ахнули родные вместе:
«Красота!»

Златопояс, Золот-пояс,
Пояс-Злат,
Кто тебя наденет, пояс,
Тот богат!

И в рубинах вьется повязь,
Как заря.
Изумруды поверх, пониз
В перелив горят.

В чистом золотце середка
С крупной бирюзой.
Ай да пояс зятю соткан,
Пояс дорогой!

* * *

Блещет Русь алмазной крошкой,
Воздух голубой.
Во Коломне на порожек
Выходил Донской.

Вольный ветер рвет обновы,
Сердце горячит.
Гул колоколов медовый
В небеса летит.

А его зовут в палаты
Во главу стола.
Для лебедушки, касатки –
Со-ко-ла!

Самый первый среди знати-
Все при нем-

И отвагою, и статью,
И умом.

Говорит отец невесты:
«Принимай-ка дар!»
И подносит свой чудесный
Пояс-жар.

«Хоть твое высоко имя,
Не ударим в грязь.
Кто сей дар на руки примет? –
Дмитрий-князь!

Златошвеюшками выткан
В собственном дому
Не татарскому владыке –
Сво-е-му!»

Кто надел тебя, Злат-пояс,
Тот отведал сласть.
Кто надел тебя, Злат-пояс,
У того и власть.

Подивясь, Донской дар принял,
Пояс окрестил:
«Пояс-Злат носил Добрыня,
Русский богатырь.

На добро земли родимой,
На беду врагам.
Златопояс сей былинный
В честь и славу нам!»

Как хмельной боярин топнет –
В пляс январь!
Свадьба княжия в Коломне,
Шибче, шибче жарь!

* * *

А распорядитель свадьбы,
Двоюродный брат,
На подарок пребогатый
Целит взгляд.

И от пира от честного
С княжьих рук
Снес не в скарбницу Донского –
В свой сундук.

«Кто тебя наденет, пояс,
Тот и вкусит сладсть.
Кто тебя наденет, пояс,
У того и власть.

Золот-пояс, Златопояс,
Коль не сыну моему,
Не носить тебя, Злат-пояс,
Ни-ко-му!»

* * *

Много лет прошло в скандале.
Вора не нашли.
Сколько пояс не искали,
След – в пыли.

И справляют свадьбу снова
В красном терему.
Новобрачный – внук Донского,
Все бразды – ему.

Загуляла княжья чарка
По хмельным гостям...
Тут вскричал боярин старый:
«Вор явился сам!

Подряхнулся, ан, не скроешь
Свой позор, Косой!»
И сверкнул в глаза всем пояс,
Пояс золотой!

Поднялась обида снова,
Кровь ударила в висок –
Женихова мать с Косого
Сорвала тот поясок!

И при всем честном народе
Просрамлен и уличен,
Князь Звенигордский уходит
С перекошенным лицом.

* * *

В Галич к бабюшке, как буря,
Гонит он коня.
«Вместе с братом, отче Юрий,
Поддержи меня!»

Угли распри стародавней
Вспыхнули в душе...

«Ну, отдашь престол, племянник,
Посидел уже!»

Собирают грозну силу
Тайно во леску
На Московского Василия,
На Москву!

И, покорный этой силе,
В ночь одну
Внук Донского, князь Василий, -
Во плену.

Княже Юрий с сыновьями
Во Кремле,
Пред племянником, что камень,
Волка злей:

«Миром мы с тобой тягались
Год в Орде.
А бразды тебе достались –
И к беде.

Отречешься – слово помню,
Не тужи:
Дам удел тебе в Коломне,
Будешь жив.

Жизнь дороже, меч я поднял:
Вы-би-рай!
Бармы сложишь, а сегодня
Пояс-Злат сымай!»

* * *

По дороженьке московской,
Рассвело лишь чуть,
Цепью тянутся повозки –
На Коломну путь.

Обледеницей апрельской –
Крик и маята.
Да проклятья канут в ели,
А Москва пуста.

Покидают, несогласны,
Град свой москвичи.
И уходит Юрий мрачный
Греться на печи.

Затаился, чтобы выждать, -
И опять захват.
Но племянник со дружиной
За Москву стоят.

Было б, не было б иного,
Да случилось так:
Князя Юрия лихого
Смерть взяла в гостях.

И уже толкуют люди,
Мол, старшой сынок
На престоле нынче будет,
Свой улучив срок.

Ходит по Кремлю де снова
Васенька Косой

И на нем опять Донского
Пояс золотой...

Но недолго воцаренью
Радовался он.
Все опять пришло в брожение:
Свергнут и пленен.

О престоле жуткой прозой
Давний спор решен.
Так-то князь Звенигородский
Ос-леп-лен.

И бессмысленно, и люто –
Только злу в накал.
Князь Московский, почему ты
Грех на душу взял?

Не поможет богомолье,
Тихий монастырь.
Тени мечутся вдоль поля,
Мечь их поводырь.

Да, расправа недалеко!
Вороги примчат,
Схватят, чтоб за око – око,
Тоже ослепят...

* * *

Князь Косой из плена – к дому,
Шаг тяжел...
А законный, прозван Темным, -
На престол.

Будет править, род свой славить
До конца.
Два Василя на равных,
Два слепца.

Лишь Косого сердцем добрым
Пожалел народ.
Князь Василько – перед Темным
Он его зовет.

Князь Василько, князь Василько,
Синие глаза!
Они больше не увидят
Божьи небеса!

Точно вор, из плена к дому
Скачет, плачет князь.
Что, Василько ослепленный,
Поотведал сласть?

* * *

Было, было и не сплыло.
Тошно до тоски!
Перегрызлись, перебились,
Что за кость щенки.

Ай, ты, пояс, Золот-пояс,
Пояс-злат,
Как же за тебя боролись
Брат и брат.

Основная – боковая
Рода ветвь,
Вы, тщеславыю потока,
Подивили свет.

Но взрастет из распрей ранних,
Как осядет взвесь,
Розою благоуханной
Единенья весть....

Как же за тебя боролись,
А Васильев – тьма.
Ах, ты, пояс, Златопояс,
Всех сводил с ума!

Воевали поколенья,
Смерти не боясь...
Кто тебя наденет, пояс,
Тот и главный князь.

Только вот какая штука::
Ты ведь тем хорош:
Как попал в худые руки –
Сам уйдешь.

Ты еще всплывешь на свете
В смуте злых времен.
Глаз Лжедмитрия приметит,
Твой наруша сон.

И зачуеть ты, былинный,
Жадные персты.
И на родиче Марины
Засверкаешь ты!

Но прибоем гнева смоем
Шляхтичей с земли...
Где же ты, Донского пояс?
След – в пыли.

Ось крутнется, из разрухи
Слышно: хрусть-похрусть!
Русь бедует, ждет поруки,
Ждет сегодня Русь.

Ждешь и ты явиться друзьям:
Грянет час!
Пояс-Злат, другим наука,
Миру – сказ.

СКАЗКА О ЗАБЛУДИВШЕМСЯ ВЗВОДЕ

Чужой дороги пыль
Из-под сапог клубком.
Идут солдаты в быль,
Идут в краю ночном.

Кругом опять война.
Кругом гуляет смерть,
Всех посылая на...
Все ж надо уцелеть.

Вот на отшибе дом,
А что за ним – бог весть!
И хорошо бы в нем
Поспать, попить, поесть.

Но не засада ль там?
Проведать б, что к чему.
Петров сказал: «Я сам!»
И побежал к нему.

Дом на отшибе сер,
И сед, и глух, и слеп.
Петров налег на дверь,
Под скрип шагнул, как в склеп.

Заплесневевший хлеб.
И затвердевший сыр.
Солдат в дому, во мгле
Снимает свой мундир.

Хозяйка у окна,
В котором нет огней.

И голая стена,
И зеркало на ней.

Солдат взглянул: Содом!
Чечня или Урал?
И в зеркале ночном
Себя он не узнал.

«Кто там?» - «Фантом, другой...»
«Где я?» - «А здесь, со мной!
А это город мой,
Разрушенный войной».

И матери лицо
Как смутное кольцо,
Вмиг отразилось в нем,
В том зеркале ночном.

«А это кто? С другим?
Красив, как херувим?» -
«Твой нерожденный сын...»
Рукой махнул: «Бог с ним!»

Сказал: «Хочу любви!»
И к женщине приник. -
«Но ты же весь в крови!»
Взглянул: неженский лик!

Морщины бороздой
И клочок седых волос,
Над бровью шрам тугой,
Глаза красны от слез. —

«Лицом не дорожу.
Ты зришь лицо войны!

Зато я прихожу,
С кем повстречаюсь, в сны».

Петров отпрянул. Вдруг
В окно раздался стук.
И в непонятный дом
Усесться за столом

То входит террорист,
То снайпер, ранен в глаз,
То, матерясь, спецназ,
То, обгорев, танкист.

То смертницы горят,
То слышен новый взрыв.
На русском говорят,
Кляня чем свет живых... –

«Они уходят все...
А я - я остаюсь.
Ни вас, ни басмачей,
Ни смерти не боюсь...»

Хозяйку он привлек:
Война – ну ж, война!
С ней на кровать прилег –
И вспыхнула она!

.....

Сидит вкрут дома взвод.
Заголубел эфир.
Чего Петров нейдет?
За ним шлет командир.

Клубился прах еще,
Когда вошел солдат.
Не видно ничего!
Лишь гарью жуть дышать.

Кровать в дыму – и тут
Над ней склонился он.
Застыл, хотя и ждут:
«О! – череп и жетон!»

Находки он принес
И не находит слов.
Все встали в полный рост:
«Ба! Это же Петров!

«Нечисто дело здесь...»
Последовал приказ:
«Зачистить эту грязь!»
И взвод в ответ: «Так есть!»

.....

Чужой дороги пыль
Клубком из-под сапог.
Идут солдаты в быль,
А небыль тычет в бок.

Вот череп посадил
На дуло капитан:
«Петров, ты другом был,
Теперь - наш талисман!»

А на отшибе дом
Пылает – не сгорит...
И вновь под пепелком
Нетронутый стоит.

Хозяйка у окна
Все песенки поет.
И с зеркалом стена.
А в нем шагает взвод.

Кругом она, война!
Кругом гуляет смерть!
Но голова дана
На то, чтоб уцелеть.

Гроша не стоит жизнь.
Война солдат кружит
Без смысла, без конца,
Почти что без лица.

«Гляди, опять тот дом!» -
«Не видно ни черта!»
«Пускай! Давай зайдём!»
И дверь не заперта...

Заплесневевший хлеб
И затвердевший сыр
Наградой на столе
Тому, кто гостем был.

Солдат главой на стол.
«Братан, да что с тобой?» -
А тот глаза с тоской
В брус солнца золотой:

«Доколе будут ждать
Нас всех в доме родном?
И ветер в нас кидать
Земли могильный ком?

Какого мы рожна
Воюем тут с тобой?
Какая-то война,
А я хочу домой!»

И ненависть в глазах,
Пустой запал в речах, -
Дымится автомат.
Убитые лежат...

.....

Шагает дальше взвод
Вне времени и стран,
Туда, где бой идет,
Куда приказ был дан.

За ним – повозка лет,
За ним – повозка слез.
Идет, – кто наг, кто бос,
Мечтая о тепле.

Идет и тает взвод,
Вперед, вперед, вперед!
Идет – и шар земной
Трясется под ногой.

Содержание

«Мимо строек и старых башен»	3
«Проснуться от птичьего крика»	3
«Горизонт изломали холмы»	4
«Ранним утром сизокрылым»	5
«Прозрачна даль под легкой синькой»	5
«Теплый речной туман»	6
«По дороге в святую обитель»	7
«Туман морозный над равниной»	8
«Вон она, Русь! – Вырывается пламя»	8
Отчее слово	9
«Плуг, лук, спины трудолюбивой горб»	9
«Снег лежит кисеей в январе»	10
Анисии	11
«Так много пережили мы, что впору»	12
«Хризантемы»	12
«Поля молчания...»	13
В саду	14
«Как гуси-лебеди летят»	14
Художник	15
«А жизнь на ниточке мотается»	15
Окно	15
Богадельня	17
Старинная песня	17
Сокол и роза	18
«Как в заколдованном лесу»	19
«Ты хотел на груди у меня умереть,	20
Когда-то сонеты рукой молодой»	21
Пчелка	22
Возвращение ангелов	23
«Вино я разделю с бомжом»	24
«Помню, была крылатой»	24
Блаженства	25
Прощание с садом	28
«Опять дышать и радостно, и больно»	29
Из Сурского цикла	29

1. Княжуха	29
2. В часовне	30
Надпись под картиной	31
Колыбельная	31
Новый день	32
«Не видеть этот мир»	32
«Ой, ты, родина! Тихая родина!»	33
Два портрета	34
Мендурское кладбище	34
Курортный роман	35
Счастливчик	36
Подвиг машиниста	37
Помяни меня	41
Степью-полюшком	41
«Зачем-то вспомнила под говор голубиный»	43
Из глубины веков	43
«Молясь на ночь, целуй Богородицу»	43
«Нам хоть с посохом, хоть без посоха»	44
«Сумрачный вечер. Рябина в снегу»	45
Башмаки	46
«Целую всех печелящихся в очи»	47
«За словом – глубь»	48
«Праздник жизни»	48
«Ах, на рассвете – в сонь»	49
Арское	50
Просто человек	50
«Деревья памяти растут»	51
Возвращение	51
«То кидали в костры – замерзала от зноя!»	52
«Я принесла в твой дом не томность взгляда»	52
«Дал образец, жалея»	53
«...Но люблю буйство красок и бездны полотен»	53
Обезьянка	54
«Я в эту осень сплю невинным сном растений»	55
«Лист кленовый»	55
Ветер	56
Закат	56

Первое сентября	57	
«Слышишь сердца стуки»	57	
Молчание	58	
Голубые деревья	59	
«Такая ясность есть в начале октября»		60
«Пел соловей»	61	
«Все приходит слишком поздно»		62
«Без края и конца родные дали»		62
«Над городом твоим – чудесный благовест»		63
«Растения с нимбами вокруг головы»	64	
«Не мыслится домой»	64	
«Влечет, влечет к озерам и лесам»		65
«Вспыхнул шиповник алый»	65	
Вуди Аллен	66	
Городской воробей	66	
Под небом Италии	67	
Проводы	68	
«Какие миру явлены страницы»		69
«Не маршалы, не генералы»	70	
На Ляховском переезде. 1965 г.		70
«Я приду к соловецкому камню»		71
Прощание 1937-го г.	72	
Сказка о нулевом времени	72	
Сказка о торгах	73	
Плач по правде	75	
Корабли	75	
Романс о неспетой колыбельной		76
Баллада о Володе Каширове	78	
«В моей разыгранной судьбе»	80	
«Пусть все они живут: преступники и судьи»		80
«Кто видел ангелов, тот светится и сам»		81
«И серебристость трав, и пение деревьев»		81
«Жили мы были»	82	
«Отошла в золотые пределы»	83	
Голубое дерево	84	
Рябина	84	
«Стужа. Вихрь. Среднерусья раздолье»		85

«Я крепко сплю»	86	
«И туман, и дожди грибы грибные»		86
«Я землю целую и плачу»	87	
Грибоедов	87	
1. «В грузинском соборе Сиони»	87	
2. Баллада о шахском алмазе	88	
3. Из последнего письма	89	
4. «Плакал Пушкин на могиле Грибоедова»		89
«На горе, на горе высокой»	90	
Воскресное утро n-го года на Среднем Венце	91	
Духовой оркестр	92	
«И падал снег»	93	
Котенок	94	
В экспедиции	95	
Первый снег	96	
Осень в Бряндино	97	
1. Гавриил Мелекесский	97	
2. «Хор поет»	98	
3. «А как ближе к родному пределу»		98
4. Ароматное стихотворение	99	
5. Яйцо фаберже	99	
6. Калачев	101	
7. Осень в Бряндино	102	
Златое яблоко	103	
Дыхание земли	105	
«Вышли вдвоем на лесную опушку»	106	
«Что нужно»	107	
«Постой, когда-то это было»	108	
«Женщины Тютчева»	108	
Старинная повесть	109	
«В это лето мне – черный платок»	110	
Клеверки	110	
Милосердые	111	
Усилие	111	
Перо	112	
Рембрандт	112	
1. Портрет Саскии	112	

2. Автопортреты	113	
3. «В долгах как в шелках»	114	
4. Аукцион	114	
5. Офорт «Три дерева»	115	
6. Подписи к картинам	116	
1. Иуда возвращает серебряники		116
2. Отречение Петра	117	
3. Апостол Павел в темнице	117	
4. Возвращение блудного сына	118	
Баллада о блудном сыне	119	
Незаконченная картина	121	
«Симеон с младенцем»	121	
Баллада о предтече и спасителе	122	
«Застигнута грозой, иду под ливнем»	123	
«Русь – березовая россыпь!»	123	
«Кони выюжные несутся»	124	
«Там, в голубеющем тумане»	125	
«А просто так: равнина да курганы»	126	
«Плач колокола в тихом поле»	127	
«В душе моей цветы цветут»	127	
«Пробрызгал дождь весенний»	128	
«В этой старой игре под названием «жизнь»»	129	
Лебеди на снегу	130	
Страстная неделя	131	
«Синее речки стекло»	133	
Бабье лето	134	
«От зари до зари»	135	
«Жизнь с хлопотливостью простой»	136	
«Полночному ветру не спится»	136	
«В этом мире надо быть холодным»	137	
Масть	138	
Печальная сказка зимы	139	
Люди двадцатых	140	
«Прислушайтесь к слову Рубцова»	141	
Сюита Ф. Г. Лорке	142	
Юность	142	
Музыка	143	

Земля	143	
Радость	144	
Путник	145	
Утро	146	
Жертва	147	
«Все ново, мило, как после болезни»	150	
«Теплый вечер, темный ветер»	151	
Синий свет	151	
Тюремный доктор Гааз	152	
Сирень 1945-го	154	
Иван-воин	154	
Белые колготки	157	
Война	158	
День в цвету	159	
Цветы и травы	160	
«Заката ясный розовый огонь»	161	
«Все ярче синь»	162	
«В нежном мерцании»	162	
Синеглазая девушка	163	
Тяжело ворочается гром	164	
Затопление	164	
Заколоченная деревня	165	
Деревня	167	
Вкус хлеба	168	
«Пусть, родина, в кровавых ты раздорах»	169	
Руки розы	170	
«Дай бог добрым людям добра»	171	
«Расскажи мне что-нибудь хорошее»	172	
Жизнь деревьев	173	
«Ах, заря какая в синьке заяснилась!»	174	
«Закурилось в небесах вечерие»	174	
«Сколько раз не давали пропасть»	175	
«Вечная весна. Васильковый свет»	176	
«Июльское цветов благоуханье»	176	
«Любуясь, колокольчики несущ»	177	
Городские собаки	177	
«Услышать писк звезды новорожденной»	178	

«А когда играют в небе краски»	178	
«Я росла у бабки без догляда»	180	
«Начиналась жизнь с пеня колыбельной»		181
«Что-то не сладилось в высях»	182	
«Мы с тобой позабыты навек»	183	
«Жизнь была в самом начале»	184	
Тихий день	185	
«Золотые купола»	186	
«Над вершинами сосен сверкала луна»		186
«В серый сумрак, в листопад»	187	
«О ладан прелых листьев!»	187	
«Как плачется ветер!»	188	
«Зеленеют озимые»	189	
«Воздух осени нежный и терпкий»	190	
Серебряный век	194	
«Луч, что копьё, пронзает синий снег»		194
«Было время – целовали руки»	195	
«Стынут тяжелые ели»	195	
Марш мертвецов	197	
Обряд	198	
Исторические баллады	199	
Саид	199	
Алена из Арзамаса	201	
Монах	204	
Параша Жемчугова	205	
Бабы припевки	207	
Цветов разговор	207	
Голова	207	
Колосок	208	
Гармонист	208	
Барыня	209	
Налогообложение	209	
Асептическая ангина	211	
Травы	211	
Первая помощь	212	
В таборе	213	
Слезинки	214	

«Святая Анна»	217	
Сказ про индуса	231	
Сказка о ключе	236	
Легенда о подвиге	243	
Злат-пояс	257	
Сказка о заблудившемся взводе		268

Матлина Светлана Ивановна

ДО СНЕГА. СТИХИ И ПОЭМЫ.

Подписано в печать .
Бумага офсетная. Усл. печ. л. .
Тираж 300 экз. Заказ